

Его княгиня

Автор:

Оливия Штерн

Его княгиня

Оливия Штерн

Злата сбежала от мужа, и теперь живет на окраине богами забытой деревни. Она надеется, что когда-нибудь супруг забудет о ней, прекратит поиски, и тогда она сможет начать новую жизнь. Но однажды, отправившись за хворостом, Злата находит в снегу совершенно голого мужчину. Может быть, стоит просто пройти мимо?..

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Глава 1. Злата

Пот заливал глаза. Пар вырывался изо рта и тут же оседал снежной бахромой на ресницах, на воротнике облезлой шубейки, на пуховом платке.

Задыхаясь, Злата прислонилась спиной к дереву и принялась разминать натруженные руки. Глянула с ненавистью на вязанку хвороста, на снежный покров, что окутал лес. Сколько она еще продержится? Силы убывали стремительно. А, может, плюнуть на все и вернуться? Рука у владетельного князя тяжела, но, небось, до смерти не забудет, отправит служительницей в капище Тефа... Злата зажмурилась. Непрошенные слезы намерзали на ресницах. Она ведь не знала, что все будет настолько непросто – когда сбежала от мужа, когда всю осень искала, где бы спрятаться и наконец остановилась в этой забытой всеми богами деревушке на краю леса. Староста оказался пройдохой, за

развалюху, что топилась по-черному, отобрал у беглой княгини хорошую шубу, драгоценности и лошадь. Последние золотые, что оставались, Злата обменяла на припасы в зиму... А что придется делать весной, она вообще не представляла, и потому все чаще мелькала мысль о том, что надо бы вернуться. Все равно князь Велеслав ее найдет, рано или поздно. От таких уйти просто невозможно...

Злата встряхнула головой, отгоняя печальные мысли.

В конце концов, до весны еще надо было дожить.

Она никогда не держала в руках ничего тяжелее иголки. А теперь руки стерты в кровь. Пальцев на ногах почти не чувствует. И этот треклятый мороз, и снег по колено, и тяжеленная вязанка хвороста...

Злата закусил губу, подхватила веревку, которой была обмотана сегодняшняя ее добыча, и побрела дальше.

В какой-то миг перед глазами все поплыло, княгиня пошатнулась, грубой рукавицей провела по лицу, стряхивая с ресниц иней... И обомлела.

Под кустом боярышника, усыпанного тревожно-алыми ягодами, в снегу лежал человек. Он был совершенно голым, но при этом живым и как будто без чувств, застыв в позе новорожденного. И, вне всяких сомнений, это был мужчина, худощавый, весь исчерканный белыми метками шрамов. Длинные черные волосы кляксой расплескались по снегу, закрывая лицо.

Злата тихо выругалась, поминая Хенешевых тварей.

Все это просто не могло быть по-настоящему. Ну откуда посреди зимнего леса, на нетронutom снежном покрывале, взяться голому мужику? Разве что разбойники шалют поблизости, но ни о чем таком в деревне не говорили. К тому же, вокруг этого мужчины снег казался совершенно нетронутым. Как будто боги решили посмеяться и просто подложили его туда, под куст...

Злата еще раз внимательно огляделась по сторонам. Сомнений не оставалось: они совершенно одни в заснеженном лесу. И что теперь делать?

Первым ее порывом было спокойно пройти дальше, дотащить хворост до своей избушки и позвать старосту. Но потом пришло понимание, что сейчас на счету каждое мгновение, и скорее всего старосту она приведет уже к совершенно оледенелому и бездыханному телу.

«А тебе не все равно?» – ехидненько прозвучал голос здравого смысла, – «ты понятия не имеешь, что это за мужик. А если это вообще выходец из Темного Княжества?»

Злата всхлипнула, мотнула головой. А затем, проваливаясь в снег и чувствуя, как он набивается под штаны, двинулась к своей находке.

Долго не могла решиться прикоснуться. Затем потрогала плечо – нет, определенно он был жив, хоть и без сознания. Оглядела всего. Тело казалось молодым, сухощавым. Злата осторожно отбросила с лица черные, что вороново крыло, волосы. Лицо мужчины ей понравилось: не красавец, как владетельный князь Велеслав, но и не урод. Высокие скулы, черные брови с капризным изломом, острый нос. Ресницы слиплись стрелками. И, судя по всему, нездешний. Вместо окладистой бороды, положенной всякому уважающему себя мужчине, густая черная щетина покрывала подбородок, едва тронув при этом щеки.

– Эй, – шепотом позвала Злата, – что с тобой?

Ответа не последовало. И тогда, злясь на себя и весь мир в придачу, Злата ухватила незнакомца за руки, изо всех сил потянула на себя. Потом решила, что далеко вот так они точно не уйдут. Подумала-подумала, стянула шубейку – благо что под ней одежды было как на капусте листьев. Кое-как уложила мужчину на шубу, завернула его, обвязала веревкой, пропустив ее под мышками. И потащила.

В конце концов, деревня была не так уж и далеко. А она, как ни крути, здоровая молодая женщина. Ну, почти здоровая...

Она и сама не знала, как ухитрилась дотащить тяжеленного мужика до своего дома. Но, задыхаясь, смаргивая пляшущих перед глазами серых мошек, перевалила безвольное тело через порог и плотно прикрыла дверь. Злата

прислонилась к косяку и долго хватала ртом воздух. Сердце безудержно колотилось о ребра, в ушах шумело. А еще с некоторым раздражением она подумала о том, что притащила к себе непонятно какого мужика, а хворост оставила в лесу, и это значило, что за ним придется возвращаться. Но зимой день короток, за крошечным мутным оконцем начинало темнеть, и Злата поняла, что уже никуда не пойдет. Кряхтя, она кое-как подтащила свою находку ближе к печи, выдернула веревку, развернула шубейку. Мужчина, хвала Тефу, дышал. На бледных щеках появился нездоровый румянец. Злата потрогала бледный лоб – он оказался горячим.

– Тьфу, – она резко выпрямилась.

Надо было что-то делать, но что?

Она понятия не имела, как лечить.

Не княжеское это дело. Княжеское – это вышивать золотом да покрикивать на прислугу...

Воспоминания не принесли ничего, кроме страха, что костяными шипами впился в горло.

А ну как найдет? И все будет повторяться снова и снова?

Злата покачала головой. Да нет же, пора переставать бояться. Ни за что не узнает князь Велеслав в отощавшей и коротко, по-мужски остриженной девчонке свою жену. Золотые косы до пояса были самой малой платой за свободу.

Ее взгляд вернулся к мужчине, и Злата поймала себя на том, что с интересом рассматривает совершенно нагое тело. Не то, чтобы она никогда не видела голого мужчину, уж князя-то своего видела и не раз. Но, кроме князя, никого. А этот... был крупнее Велеслава, куда шире в плечах, и на теле почти не росли волосы – плечи и грудь были совершенно гладкими, если не считать многочисленных шрамов. Хмыкнув, Злата взяла одеяло и укрыла мужчину ниже пояса. В основном, чтобы самой не краснеть.

Потом она подогрела воды и, присев на пол рядом, попробовала влить ему теплой воды в рот. Получалось плохо, мужчина все еще не приходил в себя, и вода лилась на пол. Отчаявшись, Злата шмыгнула в угол, где хранила бутылочку боярышниковой настойки, такой ядреной, что можно было поджигать. Налила на донышко чарки, выпила сама. Затем налила еще и, приподняв тяжелую голову мужчины, влила настойку ему в рот.

На этот раз он закашлялся, тяжело, с хрипом, втягивая воздух, и открыл глаза.

Злата невольно отшатнулась.

Все считали, что у князя Велеслава необычные, нечеловеческие глаза, которые наверняка даровал ему лично Сиф-ясный месяц. Но у этого мужчины глаза оказались что изумруды, и Злате даже померещилось, что сверкают они в полумраке избы как у кота.

Мужчина молча смотрел на нее, а она – на него.

И, надо сказать, взгляд его Злате не нравился, потому что взирал спасенный ей мужчина на нее так, как обычно смотрят на насекомых. Или на маленьких безобидных зверушек... перед тем, как раздавить.

– Подняться можешь? – наконец спросила она, совершенно не зная, что еще можно спросить у человека, которого вроде как спасла от смерти в заснеженном лесу.

Он скривился, как будто сам голос Златы причинял боль. Затем прищурился, всматриваясь в ее лицо. Кивнул.

Но, конечно же, поднимался он с ее помощью. Обхватив его поперек горячего тела, Злата кое-как доволокла мужчину на себе до широкой лавки и помогла лечь. Снова прикрыла старым одеялом. Подумав, подложила под голову свернутый ручник.

– Ну, вот, – сказала она, – теперь ты поправишься. Я буду молить Тефа, чтобы ниспослал выздоровление.

Мужчина молчал и буравил ее взглядом. Злате сделалось не по себе, капелька ледяного пота скатилась по позвоночнику.

- Пить хочешь?

Кивок. И еще один донельзя высокомерный, презрительный взгляд.

Зтала, закусив губу, налила в глиняную кружку теплой воды, помогла мужчине приподняться. Пока он жадно пил, рассматривала бледное, но с лихорадочным румянцем, лицо. Наверняка человек этот приехал издалека, лицо не такое, как у здешних. Мелкие, едва зримые отличия – а в целом остается впечатление чего-то чужого и этой избушке, и владениям Тефа заодно.

- Как тебя зовут? – спросила она.

Зеленые глаза опасно сверкнули, и мужчина зачем-то вцепился в ее руку, поднес к глазам и некоторое время рассматривал ее ладонку, которую теперь украсили кровавые мозоли.

Потом пристальный взгляд переместился на ее лицо, медленно пополз ниже, мазнул пренебрежительно по очертаниям груди под одеждой.

Все это нравилось Злате все меньше и меньше. Она выдернула руку из худых пальцев мужчины и сказала:

- Послушай. Я тебя притащила сюда из леса. Я нашла тебя в снегу совершенно голым. Если бы я тебя там бросила, то ты бы уже замерз. Может быть, все же скажешь, как тебя называть?

Лицо мужчины словно окаменело. Он смерил Злату раздраженным взглядом и сказал:

- Меня зовут Таро. Не переживай, я отплачу тебе за мое спасение. Не привык быть должником.

Тут уж фыркнула, не сдержавшись, Злата.

– Да не нужно мне ничего! Неужто ты думаешь, что я могла просто пройти мимо и оставить тебя замерзать? Невысокого же ты мнения обо мне. Или по себе судишь?

Он едва заметно улыбнулся – не Злате, нет. Каким-то своим мыслям.

Затем медленно произнес:

– А я думаю, что тебе все же что-то нужно. Иначе почему женщина, совершенно не привыкшая к тяжелой работе, живет в каком-то... – запнулся, подыскивая нужное слово – убогом сарае?

Злате захотелось огреть его чем-нибудь потяжелее. И снова сковал ее вечный страх, что Велеслав найдет рано или поздно. Вот как пить дать, найдет.

– Не твоего ума дело, – она отвернулась.

– Найди мне одежду, – последовал приказ. Не просьба.

– Голым лежишь, – Злата сложила руки на груди, – никуда я в ночь не потащусь. Из леса волки приходят.

– Хорошо, – изумрудные нечеловеческие глаза, казалось, мерцают в потемках, – завтра так завтра.

– Как ты себя чувствуешь? – все же поинтересовалась она, хотя уже было понятно, что подобрала она в лесу совершенно невыносимого неблагодарного мужика с замашками владетельного князя.

– Уже лучше, – сухо отозвался тот, – мне нужно поспать. Поговорим... завтра.

...Он все-таки нашел ее. Князь Велеслав.

Пришел в ночи, пинком выбил хлипкую дверь.

Задыхнувшись от нахлынувшего ужаса, Злата только и могла, что смотреть на своего мужа перед ликом богов: все так же пригож лицом и статен. Только уже не красоту видела Злата, а оскал близкой смерти. Ее смерти.

Велеслав остановился в пороге на мгновение, окинул взглядом избу. Затем мягко улыбнулся Злате.

- Ну что, думала сбежать от меня?

Она попыталась что-то сказать, но на горле снова сомкнулся костяной ошейник.

«Хоть бы он не заметил Таро, а то ведь убьет», - мелькнула совершенно неуместная мысль.

Злата лежала на лавке и не могла шевельнуться. Словно зачарованная смотрела, как медленно подходит к ней Велеслав.

«Сейчас ударит», - решила она и не ошиблась.

Князь легко сгреб ее за ворот сорочки, приподнял и, глядя в глаза, процедил:

- На тебя смотреть противно. Грязная девка.

А потом ударил наотмашь по лицу, так что рот сразу же наполнился кровью.

- Бесплодная сука!

Еще удар. Голова безвольно мотнулась, перед глазами замельтешили цветные пятнышки.

- По... пожалуйста... не надо... - наконец удалось прошептать разбитыми губами.

- Не надо? - он снова улыбнулся мягко и понимающе, - но я только начал, дорогая жена.

Злата захрипела от ужаса, когда он легко перевернул ее на живот и задрал рубаху.

- Не надо! Велеслав!- взвизгнула она, - оставь меня!

И подавилась слезами, когда он грубо и больно вошел в нее.

- Не надо, прошу!

... А потом проснулась. Несколько мгновений, задыхаясь, хватала душный воздух. Взгляд метался по закопченному потолку, и все еще не верилось, что это был сон. За мутным оконцем медленно светало. Засов был на месте, надежно держал дверь. Злата вытерла слезы и закусила кулак, чтобы не разреветься в голос. Когда же это закончится? Потом покосилась в сторону соседней лавки и замерла: подобранный давеча Таро сидел, выпрямившись, и смотрел на нее.

Злата мысленно выругалась. Если она кричала во сне, значит, он все слышал. Неприятно. Как будто голый увидел.

Вздохнув, она села, потерла лицо и спросила:

- Как ты?

Мужчина пожал плечами.

- Вполне сносно, спасибо.

- Это я... тебя разбудила?

- Нет. Я давно не сплю. А ты кричала во сне. Скажи... Велеслав - это случайно не брат владетельного князя Стефана?

- Откуда ты?..

- Ответь, пожалуйста, - мягко перебил ее Таро, - это очень важно.

Злата вздохнула. Почему Таро спросил сразу про князей? Ах, ну да. Он не просто так рассматривал ее руку. Потом сопоставил кусочки мозаики. Женщина, совершенно не привыкшая к работе и орущая истошно по ночам. От какого еще Велеслава она может прятаться? Уж не от сына мельника, это точно...

- Да, это брат князя Стефана, да упокоится он в царстве Тефа.

- Сколько лет прошло с того момента, как Велеслав начал править?

- Три года, - глухо ответила Злата.

- Прекрасно, - пробормотал Таро, - а что слышно про госпожу Пустошей Лорин?

- Она перестала собирать дань, - ответила Злата, недоумевая, отчего это Таро так интересуется вампиршей.

- А еще что произошло, не расскажешь? Если ты в самом деле сбежала от владетельного князя, то должна знать, что говорили про Пустоши.

Голос Таро звучал спокойно, обволакивал сладкой дремой, и Злата поймала себя на том, что невольно начинает зевать. Да что это с ней?

- Там что-то изменилось, - честно сказала она, - Велеслав не знал, что именно. Но одно известно: госпожа больше не пьет кровь. А еще те, кто работали у нее в замке, говорили, что там появилось новое чудовище, которое может поднимать мертвых и править ими.

- Хорошо, - в голосе Таро скользнуло удовлетворение, - еще что-нибудь расскажешь?

- Велеслав жаловался, что его сотник остался при госпоже Лорин. Сильно злился.

- А этого сотника кто-нибудь видел за последние три года?

- Видели, как же. Он живет в том же замке, и его жена при нем. Я знала его жену, даже хороводы вместе водили, хотя Зоринку все считали блажной девкой.

– Это хорошие новости, – в избе уже было довольно светло для того, чтобы увидеть на губах Таро улыбку. И эта улыбка Злате понравилась. – ну а ты... Может, теперь скажешь, почему сбежала от владетельного князя? Да еще в такую дыру?

Злата помедлила. Стоило ли рассказывать незнакомцу о своей горе? Но он и так разгадал ее. Осталось совсем чуть-чуть, и будет она как раскрытая книга.

– Боги не благословили меня детьми, – наконец сказала она, – и мой муж... владетельный князь Велеслав... наказывал меня за это.

Таро хмыкнул и ничего не ответил. Нечеловечески-яркие глаза впились в Злату испытывающе, а она вдруг подумала, что этот странный мужчина все же невероятно красив. Затем Таро проговорил задумчиво:

– Если только это твоя вина, в том, что ты не можешь иметь детей, то тебе поможет хороший целитель...

– Велеслав приглашал целителей!

– Не перебивай, – в голосе мужчины появился металл, – приглашал, да не тех. Ты сможешь исцелиться в замке Лорин. Как я уже сказал, не люблю быть должником.

Почему-то эти его последние слова отозвались в душе болезненным звоном. На самом деле Таро было наплевать на ее беды, как человеку может быть наплевать на горе воробьихи у опустевшего гнезда. Он просто не хотел оставаться у нее в долгу.

Злата потерла лоб, пытаясь привести мысли в некое подобие порядка. Оставалось кое-что, о чем следовало бы знать этому человеку, раз он был так заинтересован в судьбе Лорин.

– Перед тем, как сбежать, я слышала, что Велеслав будет собирать войско.

Таро слегка нахмурился, но молчал, ожидая продолжения.

– Он говорил, что собирается захватить замок на Пустошах, потому что казна пуста, а там наверняка горы сокровищ.

Мужчина приподнял бровь.

– И не боится твой супруг лезть к чудовищу, способному поднять мертвых?

– Не боится, – Злата вздохнула, – и как-то он обмолвился, что боги его берегут от вражьи́х стрел.

Таро усмехнулся и поднялся на ноги. Злата опустила было глаза, но потом поняла, что он обмотал бедра куском рогожи.

– Ну а что, владетельный князь еще не выступил в поход? Не слышно ли чего?

– Я думаю, он дождется весны... наверное, – сказала Злата.

– Тогда и нам спешить некуда, – он присел на край стола. И только теперь Злате удалось рассмотреть, что шрамы на предплечьях складываются в буквы. Ей удалось прочитать – «Крастор».

– Принеси мне одежду, – промолвил Таро тоном, не терпящим возражений, – и еды. Мне нужно восстанавливаться.

Сказать-то легко, а вот сделать...

Если полуразвалившаяся изба Златы влачила жалкие годы нищеты на окраине деревни, то новый дом старосты Михая, как и полагалось дому всемирно уважаемого человека, располагался ближе к деревенской площади. Чтобы дойти до него, Злате пришлось месить ногами хрусткий снег, минуя с десяток дворов. Кое-где она встречала баб и мужиков. Последние смотрели на нее с жалостью, первые – с затаенной злостью и завистью. Хотя чему здесь завидовать? Прячась от владетельного князя, Злата никому ни разу не обмолвилась о том, что княгиня. Видать, запомнили ее дорогого скакуна и добротную шубу. Или жена старосты растрепала всем о том, какие на ней были украшения – все те, что

осели в жирных ладонях Михая, обменные на молчание, покосившийся сруб и немного припасов в зиму. Хенеш! Ей хотелось верить в то, что Велеслав не разыщет ее здесь, в этакой глухомани. А дальше – пройдет время, княгиню Злату сочтут погибшей, перестанут искать... И все как-нибудь наладится.

Вот только кошмары не отпускали. И каждый раз повторялось примерно одно и то же: сперва бил, потом брал силой. Как и наяву.

Злата встряхнула головой, отгоняя дурные мысли, решила думать о том странном мужике, что сидел голым в ее избе. Здесь, конечно, странным было все: начиная с того, что он даже не заболел, провалявшись невесть сколько в снегу, и заканчивая тем, что приказывал он с таким знанием дела, словно сам был владетельным князем. Злата невольно усмехнулась. Замашки Таро ей не нравились, и точно так же не нравились его взгляды, исполненные ледяного презрения. С другой стороны, пусть лучше так, чем липкой от пота ладошкой да ей под юбку. К тому же, он вроде пообещал ей исцелить тот недуг, что лишил ее счастья прижать к груди родное дитя, а уж ради этого она постарается. Если скажет – идти босиком до самых пустошей – пойдет, не раздумывая. Пусть... даже если захочет спать с ней... лишь бы только ребенка родить...

Тем временем Злата подошла к ладной старостиной избе и постучала в окошко, затянутое пузырем. Чье-то лицо быстро глянуло на нее и исчезло, а через несколько ударов сердца уже заскрипела отворяемая дверь, откуда высунул вихрастую голову сам Михай.

– Златушка? Что ж ты, проходи, проходи. Стряслось чего?

Женщина передернулась невольно. Как-то очень быстро забыл Михай, кто она и кто он. Хотя... то ведь было в прошлом. В далекой, уже как бы не ее жизни она была княгиней, а он простым мужиком. Теперь же он – деревенский староста, а она – нищая баба без роду без племени.

Она отворила калитку, по протоптанной в снегу дорожке добралась до двери и скользнула мимо Михая в сени. Там было холодно и пахло квашеной капустой. Тут же стояли и темные бочки, высокие, круглобокие.

– А Милава где? – осторожно спросила Злата, шагая через сени.

– Так ведь к дочке пошла. Сладушке родить скоро пора придет, – сказал Михай и тут же заторопил, – проходи, проходи. Нечего тепло в сени выгонять.

У старосты было тепло. Очень. Злата осталась стоять у двери, с любопытством осматриваясь. Видать, очень выгодно сбыл Михай ее украшения: в избе появились кровати с высокими деревянными спинками. Стол большой, вышитой скатертью накрытый. Скамьи резные. Раньше ничего этого не было. Перевела взгляд на Михая: здоровый мужик, темные волосы только-только тронуты сединой, да борода как соль с перцем. Во всей внешности Михая только глаза его не нравились Злате – чересчур блеклые, будто бы воды набрались – и щеки, слишком уж круглые и румяные для мужчины. Князь Велеслав отличался изысканной бледностью кожи...

– Случилось чего? – в очередной раз поинтересовался староста, присаживаясь на скамью.

Злате он не предложил присесть. Мол, стой там, нищая, да знай свое место.

– Мне... – она невольно запнулась, встретившись с водянистыми глазами Михая, – мне одежда нужна мужская. У тебя наверняка есть лишняя?

– Мужика привела, что ль? – староста ухмыльнулся.

– Д-да, – выдавила Злата. Не рассказывать же этому деревенскому чурбану о том, где и как она нашла этого самого мужика.

Михай поднялся и пересел на край стола. Окинул Злату пристальным взглядом, и взгляд этот внезапно ей не понравился.

Староста сложил крупные руки на груди, алая рубаха натянулась на медвежьих плечах.

– И кто это?

– Не отсюда, – сухо ответила Злата, – Михай, ему нужна одежда. И обуться во что-нибудь.

Староста широко улыбнулся, отчего его круглые щеки сделались еще румянее, а борода разъехалась вширь и стала похожа на лопату.

- Одежда у меня есть, - сказал он, - только вот чем платить будешь, Златушка?

- Я тебе вперед заплатила, Михай. То золото, что с себя сняла и в твои руки вложила.

- То было за кров, пищу и молчание, - он медленно, очень медленно подходил к Злате, - ты ведь не хочешь, чтобы я отправил гонца к владетельному князю - мол, нашлась беглая жена?

Злата похолодела. Вот как! И что теперь?

- Я все верну, Михай, - торопливо сказала она, - осенью... как урожай соберу...

- Тебе еще засеять и вырастить его надо. Сеять что будешь? То-то!

Злата отпрянула, когда Михай оказался слишком близко.

- Ты что творишь? Забыл, кто я?!!

- Отчего же, помню. Давно хотел задрать подол княгинюшке. Ну же, Злата, будь ласковой. И получишь одежду. Может, даже на сапоги твоему разлюбезному пожалую.

К такому повороту событий она оказалась совершенно не готова. Иногда, очень редко, ее посещала мысль о том, что когда-нибудь она встретит своего мужчину... когда забудет Велеслава и все то, что он с ней вытворял. Но Михай всем своим довольным и лоснящимся видом не вызывал в Злате ничего, кроме вялого отвращения. Он даже пах как-то особенно, так, что женщине хотелось зажать нос и бежать, бежать подальше.

- Иди к Хенешу! - она вывернулась из медвежьих объятий, оставив в пальцах старосты подбитую кроличьим мехом свитку.

И тут же, холодея от ужаса, поняла, что попалась. Она целиком и полностью зависела от этого напыщенного, самодовольного и не очень-то умного мужлана. И ничего не мешало ему в самом деле взять – и отправить одного из зятьев к Велеславу с радостной весточкой. Но лечь с ним? Нет, трижды нет.

– Златушка, золотце, – заржал староста, отбрасывая в сторону свою добычу, – убери коготки. Если ты так и с Велеславом обходилась, немудрено, что он тебя кнутом охаживал!

– Ничего мне от тебя не нужно! – сорвалась на крик Злата, – все, уйду!
Пожалеешь еще!

Но уйти не удалось. Задыхаясь от вязкого, противного чувства собственной беспомощности, Злата оказалась прижата к стене могучей грудью Михая. Уткнулась носом в алый атлас. Мелькнула совершенно неуместная мысль о том, что пахло от него старым прогорклым салом.

– Пусти! – потребовала Злата, – гад, предатель!

А потом почувствовала, как горячие пальцы действительно задирают подол, больно стискивают бедро.

– Жене скажу! – прошипела она, все еще пытаясь отпихнуть от себя мужика.

– Да кому она поверит, Златушка? – неприкрытая насмешка в голосе, – мне или тебе? Потом и вовсе со свету сживет!

– Ну пусти-и-и-и, Тефом молю...

Все было бесполезно.

Он деловито раздвинул ей ноги коленом, запястья прижал к стене. И тогда Злата поняла, что силой она ничего не сможет сделать. Подняла голову, умильно заглядывая старосте в глаза, и хрипло прошептала:

– Михай, мой сладкий, поцелуй меня... ты же знаешь, я именно и люблю... вот так.

Староста отпрянул на миг в недоумении, но все ж поверил. Склонил голову. А через мгновение заорал как ошпаренный: кровь брызнула из прокушенной щеки.

– Ах ты, сука!

Но все же ослабил хватку, одной рукой зажимая рану. Считанных ударов сердца хватило Злате, чтобы метнуться к двери, выскочить в сени, а затем и вовсе из избы, на мороз. Свитка осталась у старосты, но женщина уж и думать о ней забыла. Задыхаясь, проваливаясь по колено в снег, она бежала. Все. Теперь ей придется уйти, потому что Михай жизни не даст. Кажется, ей вслед что-то кричали бабы, но Злата упрямо летела вперед, почти ничего не видя сквозь слезы.

Она вытерла их, только когда захлопнула за собой дверь собственного дома, который, увы, придется покинуть.

«А может быть, и нужно было уступить? От тебя бы не убыло, чай, не девица на выданье...»

Она остановилась у двери, торопливо смаргивая слезы.

Таро неподвижно сидел на скамье, скрестив ноги и расслабленно положив руки на колени. Волосы гладко ниспадали на широкие и крепкие плечи. Кажется, у него даже глаза были закрыты, и открывать их он не торопился. Вдохнул глубоко, выдохнул.

Затем соблаговолил взглянуть на Злату, поморщился, как при виде таракана, и сухо поинтересовался:

– И где моя одежда?

У Златы потемнело перед глазами.

Уже совершенно не задумываясь над тем, что делает, она подхватила с пола пустой горшок и швырнула в Таро.

– Вот тебе одежда! Вот!!!

И разрыдалась в голос, медленно сползая по стене.

Ее резко дернули вверх, без церемоний. Приложили как следует о бревно, так, что из глаз искры посыпались. Бледное лицо Таро, совершенно спокойное, оказалось так близко, что Злата ощутила вкус его дыхания – мята с горчинкой.

– Ты еще жива только потому, что я твой должник, – тихо сказал мужчина, вглядываясь ей в глаза.

А Злата, повиснув в его руках мешком, снова задышалась от липкого, мерзкого ужаса, что сдавливал шею костяными шипами.

Она даже не сопротивлялась, когда Таро с совершенно невозмутимым видом задрал подол ее платья и точно так же, как и Михай, скользнул пальцами по бедру. Легко, играючи. А потом отпустил. Медленно отошел в сторону.

– Сейчас ты вернешься к старосте за одеждой.

– Нет! – женщина всхлипнула, – пожалуйста, не надо...

– Ты вернешься к старосте, – бесстрастно сказал он, недобро сверкнув глазами, – но в этот раз я пойду с тобой.

Злата только головой мотнула.

– Нет... что ты... ты не видел его, Михая. Он на медведя ходит один, а ты еще не совсем...

Таро усмехнулся, покачал головой.

– Не надо считать меня идиотом, цветочек. О том, что ваш староста силен, я могу судить по тем синякам, которые он на тебе оставил. Но, как я уже сказал, не нужно думать так плохо о моих умственных способностях. Я вроде как не дурак.

– Тебе одеть нечего, – буркнула Злата.

К ней помаленьку возвращалась ясность мысли.

В конце концов, если Таро так уверен в себе... А вдруг у него есть мысли, как повлиять на Михая?

– Ну что ж, тогда вся ваша деревня сможет увидеть меня голым, – спокойно согласился Таро, – вытри слезы и пойдем. Судя по синякам на твоих нежных ручках, нам придется покинуть эту гостеприимную деревеньку раньше, чем сойдет снег. Ну что ж ты... идем.

-5-

В происходящее не верилось.

Еще вчерашнее бесчувственное тело грациозно вышагивало по сугробам и даже не морщилось. Напоенный морозным дыханием ветерок путался в черных волосах. Даже бледный по-зимнему братец Теф выглянул из-за снеговой тучи, дабы все это увидеть. И, уж конечно, из-за каждого плетня на них с любопытством таращились селяне. Молча. Точно так же, как и Злата, не веря собственным глазам.

«Застудится. Застудится, как пить дать», – мрачно думала она, труся следом и разглядывая худую, но крепкую спину. Бледная кожа была исчеркана мелкими старыми шрамами, как будто кто-то специально наносил небольшие глубокие порезы.

– Нам туда, – она указала на дом Михая.

А потом испугалась. Староста держал двух здоровенных волкодавов, серых с рыжими подпалинами ужасных псин. Что, если спустит на них? Порвут, оставят кровавые ошметки... И тут же представила себе это столь красочно, что к горлу подкатила тошнота.

– Что ты собираешься делать? – отдышавшись, Злата догнала мужчину у калитки.

Он обернулся.

– Я хочу одеться.

Злата затрясла головой. Конечно, сумасшедшим здесь был Таро. Но он буквально лучился уверенностью, так что женщина засомневалась уже в собственной способности рассуждать здраво.

– Но...

– Послушай, цветочек. Я изрядно замерз, чай не лето. Идем в дом, и делай все, что я тебе скажу.

И было нечто в его холодных изумрудных глазах такое, что Злата просто поверила. И пошла следом.

...Когда Таро пинком распахнул дверь в избу, Михай сидел за столом и прикладывал к прокушенной щеке комья снега. Снег тут же таял и срывался розовыми каплями на вышитую скатерть.

При виде гостя у старосты округлились глаза. Он отбросил на пол снег, приподнялся. Метнулся взглядом к Злате – и ухмыльнулся.

– Чего явились?

– Я пришел за одеждой, – спокойно сказал Таро, осматриваясь.

– Хрен тебе, а не одежда, – осклабился Михай, – баба твоя не отработала, так что... идите отсюда прочь, голодранцы. Не то собак спущу.

Взгляд Златы метался между двумя мужчинами, а внутреннее чутье подсказывало, что вот именно сейчас и произойдет нечто такое, чего Михай никак не ожидает.

– Моя баба, – пробормотал задумчиво Таро. Затем прошелся по горнице и сел на скамью, вытянув длинные, но при этом мускулистые ноги.

– Ты совсем берега потерял? – круглые щеки Михая стремительно наливались краской, – ты кто такой, а?

И тут Таро сделал едва уловимое движение рукой, словно играл на невидимых растянутых по воздуху струнах. А староста, крякнув и выпучив глаза, внезапно схватился руками за пах.

– Ты...

Злата подобралась. Происходящее выглядело совершенно невероятно, а потому лучшее, что пришло в голову – просто быть готовой к бегству.

– Не нравится? – на губах Таро появилась очень мягкая и доброжелательная улыбка. С таким выражением лица обычно смотрят на нашкодивших, но от этого не менее любимых детишек.

– Это... ты?!! – прохрипел Михай, продолжая хвататься за свое спрятанное в штанах достоинство.

– Я, – подтвердил Таро, – когда к определенному органу приливает слишком много крови, становится не очень приятно, верно? А если продолжить, так орган и вовсе может лопнуть. Будешь как девочка оправляться. Если от кровопотери не издохнешь.

– Что... тебе надо?

Легкое пожатие плеч.

– Я уже сказал. Одеться хочу. Доставай, что там у тебя в сундуках. Только новое и чистое.

И еще одно скользящее движение тонких пальцев по невидимым струнам.

Михай взвыл не своим голосом и метнулся к кованому сундуку в углу. Взметнулись фонтаном штаны, рубахи...

– Вот! Забирай! Одевайся!.. Чтоб тебя Хенеш драл!

Таро покачал головой и невозмутимо приступил к одеванию.

Конечно, вещи старосты были на него великоваты, но Злата уже прикинула, что сможет все ушить, ежели понадобится. За тонкими нижними портами последовала рубаха, затем теплые, войлочные штаны, свитка, подбитая волчьим мехом.

- Теперь шапку и сапоги.

Михай заскулил.

- Отпусти... отпусти-и-и...

- Шапку и сапоги.

Получив желаемое, Таро вновь спокойно уселся на скамью. Окинул взглядом горницу. Михай уже стоял на коленях, кровь отлила от лица, и Злата вдруг подумала, что еще никогда не видела старосту настолько бледным.

- А теперь верни все то, что ты забрал у княгини, когда она пришла просить помощи.

Вместо ответа Михай промычал что-то неразборчиво.

- Живее, друг мой, живее.

Староста пополз куда-то в другой угол на четвереньках, но Злата успела поймать его взгляд, полный ненависти.

«Точно, собак спустит», - как-то отстраненно подумала женщина.

- Подойди, возьми свое, - голос Таро прервал ее невеселые размышления.

- Ссука, - прошипел Михай, вываливая ей на руки шубу и маленький узелок, куда было спрятано золото.

Злата лишь дернулась, когда на плечо неожиданно легла изящная ладонь Таро.

- Здесь все? Все, что при тебе было?

- Я... не знаю... наверняка что-то из золота уже продано... И еще мой конь, Щавель...

- Надеюсь, ты коня не продал, а? - это уже к Михаю.

- На конюшне... да отпусти ж ты...

Таро снова улыбнулся. Пугающе-мягко.

- Отпущу, не сомневайся. Когда мы покинем твой гостеприимный дом.

- Убью... - выдохнул староста, - клянусь Тефом... найду и убью... а эту... сучку... по кругу пущу...

Таро пожал плечами, еще раз окинул горницу равнодушным взглядом, а потом взял Злату за руку.

- Идем, заберешь коня.

- Таро, мне же его кормить нечем, - едва слышно прошептала она.

- Мы уедем сегодня же, - тихо ответил мужчина, - до ближайшего постоялого двора он как-нибудь дотянет.

Оставив подвывающего старосту, они снова вынырнули на мороз. Злата брела молча, тяжелая шуба волочилась по снегу. Сжимая в кулаке полотняный узелок, она прикидывала, что из украшений Михай уже продал, а что осталось. Впрочем, ей было все равно. Велеслав дарил ей золото давно, сразу после обряда на капище Тефа. Тогда она любила его всей силой любви юной девушки, и украшения были всего лишь напоминанием о том, чего не осталось.

Перед конюшной ярились старостины волкодавы, рвались с привязи. Но стоило Таро махнуть в их сторону рукой, как они суматошно заскулили, сжались в мохнатые клубки. Злату подмывало спросить – что ты сделал? Со старостой, с собаками... Но не решалась. В конце концов, то же самое он мог проделать и с ней.

Щавель, сытый, с лоснящимися боками, хрустел овсом. Она потянулась к нему рукой, погладила по теплой морде и едва не расплакалась.

– Прости, прости меня, Щавель, прости... я не хотела тебя отдавать, правда...

Злата сунула в руки Таро шубу и отвоеванное золото, быстро, насколько получалось, взнуздала и седлала своего любимого жеребца. А затем подхватила торбу, пригоршнями насыпала ее полную овсом.

– Все.

– Хорошо, – невозмутимость в голосе мужчины пугала ее.

Особенно, когда знаешь, что там творится с Михаем.

Не то, чтобы старосту было сильно жаль, но...

Они без приключений вывели Щавеля за калитку, и только тогда Злата осмелилась посмотреть на Таро.

– А как же... Михай?

– А разве с ним что-нибудь не так? – губы Таро улыбались, но в глазах был лед, – кажется, это вполне естественное его состояние.

– Нет, нет... Пожалуйста, отпусти его. Он... все же он не заслуживает...

– Думаешь?

Она невольно залюбовалась им. Глаза... просто необыкновенные. Таких не бывает у людей.

А потом одернула себя. Дура ты, Злата. У Велеслава тоже глаза были ах какие необыкновенные. И что с того? Не наелась еще княжьих плетей?

- Пожалуйста, - голос упал до шепота, - у него хорошая жена.

Таро дернул щекой, щелкнул пальцами.

- Все, идем... цветочек. Ничего у твоего старосты не отсохнет.

Глава 2. Таро

Если маг развоплотился по собственной воле и следуя определенному ритуалу, то рано или поздно он где-нибудь воплотится. Самое страшное, что при этом могло приключиться - это воплощение лет эдак через тысячу. Или больше.

Но мироздание сжалилось. И вернуло Таро из небытия в заснеженный лес всего лишь через три года после того, как он окончательно и навсегда запечатал собой Разлом, закрывая прорыв в материи этого мира.

Наверное, он и в самом деле замерз бы и умер теперь уже настоящей смертью, если бы не тощая замарашка, у которой хватило силенок дотащить бесчувственное тело до своей совершенно удручающего вида избы. Смешно. Величайшего мага исчезнувшей ныне империи спасла белобрысая, измазанная золой пигалица.

«И как ты докатился до такой жизни, Таро Гелиссэ?»

Он проснулся ночью и долго сидел на жесткой скамье, глядя в темень. В те часы Таро пытался понять, что же ему делать дальше. Самым правильным казалось вернуться в замок на пустошах, хоть путешествие в его нынешнем состоянии займет изрядно времени. А потом словно ледяной волной окатило: что, если прошло сто, двести или больше лет, и ни Лорин с ее некромантом, ни рыжего

огонька по имени Зоринка давно нет в живых? Что, если портал приведет его к руинам величественного когда-то замка? И он испугался. Как странно – не боялся, когда ставил камни Крови, чтобы оградить живые земли от мертвых. Недрогнувшей рукой резал своих самых близких, чтобы сделать из них нежить, но нежить необходимую в тот момент. Не боялся, наконец, самим собой наложить последнюю и самую крепкую печать на источник самой смерти в Разломе, тем самым изгоняя засевшую в его теле личинку Некроса. А вот от одной мысли о том, что остался совершенно один в этом мире, сделалось жутко до такой степени, что хотелось кричать.

Впрочем, кричать стала замарашка. Тоже странно – у нее такие изящные, маленькие ручки – и все в свежих кровавых мозолях, ногти обломаны.

Он сидел и слушал, как она задыхалась, вопила в ночной тиши, выкрикивала имя...

«Не надо, пожалуйста... не надо... Велеслав».

Таро примерно понимал, что там происходит с ней, в этом сне. У людей всегда так. Жрут друг друга, уродуют, насилуют. Все как обычно, и ничего не изменилось.

А вот имя – имя казалось Таро смутно знакомым.

И он вспомнил о том, что рассказала ему Лорин – про владетельного князя Велеслава, который своего родного брата отдал госпоже Пустошей в качестве платы за защиту Крови.

Женщина с нежными руками в этой дыре, которую преследует ее прошлое.

И тогда он в первый раз улыбнулся темноте. Если пигалица в самом деле сбежала от того самого Велеслава, то все не так уж и плохо. Хотя шансов на это было совсем немного.

Потом она проснулась, и было видно, что смущена и рассержена тем, что кто-то слушал ее крики. Наверное, для этой маленькой человеческой женщины это все равно, что подглядывать за ней в замочную скважину. Таро задал вопросы – она

ответила. И от всего услышанного он едва не подскочил от радости. Все же ему дико, сказочно повезло! Всего три года... Лорин жива, ее некромант жив. Зоринка смогла исцелить своего возлюбленного. И это было прекрасно, исключая одну крошечную, совсем маленькую деталь: сам он, Таро, вряд ли был им нужен. Снова накатила тоска. Он отправил беглую княгиню за одеждой, а сам все думал, думал... И ничего не придумывалось. В груди липким, противным комом разрасталась злость – в основном на себя самого, да и на мироздание в целом. Таро Гелиссэ всегда был одиночкой, но все же никогда не был один, как бы странно это ни звучало. А здесь, получается, он все же один. Лорин наверняка похоронила его, да и не нужен ей никто, кроме некроманта Стефана. А девушка, которую он хотел учить, из которой мечтал взрастить истинного мага, наверняка уже обзавелась гурьбой детишек... И не то, что это было плохо, нет. Просто – жуткая, леденящая кровь тоска.

Оставался невыясненным еще один вопрос – а что стало с прочими вампирами после разрушения камней Крови? Но Таро тут же решил, что, если они живы, то никуда уже не денутся. Самое главное – добраться до замка на Пустошах, а там все как-нибудь наладится. Идею Велеслава брать замок в осаду Таро воспринял как детскую возню. Пусть попробует, повоюет с некромантом. Вдруг мозги на место станут...

Потом вернулась маленькая замарашка и запустила в него пустым горшком. Да так, что глиняные черепки брызнули в стороны. Ярость взметнулась огненным смерчем. Как она посмела? Как?!! Он заглянул в голубые глаза женщины, увидел в них только страх. И мог бы раздавить, как никчемную букашку, но вовремя вспомнил о долге. А еще магия Крови была все так же подвластна ему, и вот эта-то магия позволила ощутить, буквально прощупать насквозь тщедушное тело наглой пигалицы. Чтобы убедиться окончательно, Таро даже задрал ей подол, пробежался пальцами по внезапно шелковистой коже бедра. Стремительно наливались, багровели кровоподтеки от крепкой лапищи старосты, Таро ощутил все это собственной кожей. И точно так же болезненно прилиwała кровь к отметинам на запястьях. Ну надо же! Староста не погнушался замарашкой, а она ему из каких-то соображений отказала... Придется все делать самому. Как обычно.

...Вернувшись от старосты, женщина заперла дверь на засов. Просеменила к лавке, бросила туда шубу, и тут же трясущимися пальцами принялась

развязывать узелок с золотом. На рассохшиеся и плохо струганные доски высыпались блестящие мелочи – тяжелые серьги-кольца, несколько перстней и бусы, собранные из плохо ограненных зеленых камешков. Таро услышал, как женщина тяжело вздохнула. Потом вдруг вскинула на него голубые глазищи, покрасневшие от слез, и сказала:

– Тут, конечно, не много осталось, но нам на первое время хватит... Надо убираться отсюда, Таро. Михай так этого не оставит.

И растерянно оглядела убогую обстановку избы, словно прикидывала, что можно взять с собой.

– Тебе дороги эти украшения? – он и сам удивился тому, что спросил. Казалось бы, ему какая разница?

Женщина пожала плечами.

– Золото – нет, вовсе нет. Это мне князь дарил. Разве что только бусы хотелось бы сохранить, но они ничего не стоят. Это мне от матушки осталось... И, верно, поэтому Михай их и не продал. За них много не выручишь.

– Мы можем ничего не продавать, – он пожал плечами, – я найду способ, как добыть деньги. И уж до Пустошей мы как-нибудь доберемся.

А про себя подумал – это будет долгим путешествием. Сейчас он не в том состоянии, чтобы открывать портал и путешествовать по тонкому миру. Восстановление тоже будет небыстрым.

Женщина быстро завязала в узелок свои сокровища, отвернулась и сунула их куда-то за пазуху. Помолчала, собираясь с мыслями, а потом спросила:

– Скажи, зачем нам туда? В Пустоши?

– Ты ж детей хочешь? Или я неправильно понял?

Она поежилась.

– Мне всегда говорили, что в замке на Пустошах – чудовища. А тебе туда зачем, Таро? Кто ты такой?

Вот что ей ответить? Он не знал. Сказать, что ничем не отличается от тех чудовищ, которых она так боится?

– В свое время я хорошо знал госпожу Лорин, – обронил сухо и отвернулся. Незачем выкладывать человеку всю подноготную.

– А, понятно, – сразу успокоилась она, – ты, верно, сумел доставить ей такое удовольствие, что она оставила тебя в живых...

Таро едва не расхохотался. И вспомнил.

... Как смотрела на него Лорин. Не отводя взгляда. Когда он одним легким движением перерезал ей горло, продолжая зачитывать текст заклинания.

– Ну, пусть будет так, – с усмешкой смотрел на то, как бледные щеки замарашки стремительно наливаются стыдливым румянцем. Кто бы мог подумать? И ведь замужем была...

И внезапно захотелось еще как-нибудь пошутить, чтобы совсем смутилась, но до слуха донесся странный звук. Голубые глаза женщины испуганно расширились – она тоже слышала. А потом заржал Щавель, привязанный снаружи.

– Мы не успели, – сипло прошептала она, хватаясь за голову, – не успели!

Таро молча прислушивался к происходящему снаружи. Что-то шелестело, шуршало по стенам сруба. Снаружи доносились приглушенные голоса.

– Так, – сказал он, – бери золото, одевайся. Мы сейчас выйдем отсюда.

И нахлобучил обретенную поутру шапку.

– Они, небось, с топорами и кольями, – едва слышно выдохнула она, непослушными руками накидывая на голову платок.

- Ничего они нам не сделают.

Вдохнув поглубже, Таро шагнул к двери, снял засов и толкнул ее. Ничего не вышло. Эти жалкие людишки подперли дверь снаружи.

- Ох, нет... - она всхлипнула, - что они задумали?

- Не знаю еще, но некоторые соображения есть.

И они очень быстро подтвердились, поскольку сквозь щели внутрь отовсюду повалил едкий дым. Таро выругался. Ха! Они задумали сжечь их живьем...

Но ведь сожгут, обязательно, поскольку портал... нет, он просто не сможет сейчас уйти, проваливаясь сквозь слои реальности, а если и сможет, то один, без этой жалкой бабенки.

Между тем человечка метнулась к двери и, кашляя, почти теряясь в сизых клубах дыма, заколотила по доскам руками и ногами.

- Эй! Выпустите! Боги проклянут вас за это!

«Не выпустят», - подумалось Таро, - «Михай не простит надругательства над его драгоценным членом».

- Замолчи.

Он судорожно просчитывал варианты развития дальнейших событий, и вопли вперемешку с мольбами о милосердии мешали.

- Ты что, не понимаешь?!! - она бросилась к нему, вцепилась в ворот старостиной свитки, - они нас сожгут! Заживо!

- Перестань!

Но из голубых глаз на него уже смотрело безумие, и Таро сделал то, что считал нужным: пару раз хлестко ударил ее по лицу.

- А теперь замолчи и дай мне нож.

Дыма становилось все больше, и в сознание тоненькой струйкой начала просачиваться паника. Вдруг не получится?

Он стиснул рукоять плохонького ножа, присел на корточки и, кашляя, начал вычерчивать тот узор, что намертво въелся в память.

- Что ты делаешь? - проскулила женщина.

- Заткнись и не мешай.

- Да ты просто безумец... Мы сгорим здесь оба...

- Не сгорим.

Хотя, положив руку на сердце, Таро вовсе не был уверен в удачном исходе событий.

Дуга. Еще дуга. Силуэт трилистника, почти идеальный в таких условиях. Где-то на границе слуха тихо плачет женщина. Трещит пожираемый огнем хворост. Последний штрих на земляном полу, влитая в нацарапанный узор собственная сила - и вот уже знакомое золотое свечение универсалий, в кои преобразован собственный резерв, пробивается из тонкого мира.

Только вот сил мало, так мало... Успеть бы выскочить из горящей избы, пока они не закончились. Самому, не говоря уж о...

- Иди сюда! - крикнул он, выпрямляясь и отбрасывая нож, - быстрее, ко мне!

Самый обычный портал давался тяжело, выпивал его самого до дна, дергая невидимые струны в груди - вот-вот лопнут. Таро с трудом осознал, как метнулась к нему растрепанная человечка, обхватила руками за пояс, прижалась щекой к груди. Какая она все-таки маленькая, эта белобрысая княгинюшка. Он дернул на себя границу, соединяющую обычный мир и тонкое пространство, астрал. Резко затошнило - такого никогда не было раньше. Таро вцепился в первую попавшуюся нить, и их потащило куда-то... Ну и пусть,

главное – чтобы не упасть прямо на головы деревенским. Нить расширялась, пульсировала, медленно выливаясь в воронку. И он увидел заснеженный лес. Снова. Но в тот миг, когда они вывалились в сугроб, в груди полыхнуло болью – да так, что Таро и не понял, как провалился в кромешную темноту.

На лицо падали горячие капли. Когда одна такая капля упала на губы, он непроизвольно облизнулся, на языке стало солоно. Потом вернулись звуки. И темень, едва разбавленная белизной падающего снега. Мир кружился перед глазами, Таро с трудом осознал, что над ним нависает темный силуэт. Потом сообразил – да это ж его замарашка, которою он, вопреки всякому здравому смыслу, вытащил из горящей избы. Ревет теперь, перепугалась... И внезапно Таро подумал – а вдруг она плачет, потому что боялась за него? Но вовремя одернул себя. Нет же, нет. Она льет слезы, потому что ей страшно, потому что она впервые в жизни прошла по порталю, по шаткой кромке между жизнью и пламенеющими скрепами реальности.

Все же поднял руку, преодолевая страшную слабость – и почувствовал, как в нее вцепились горячие пальцы.

– Таро, – всхлипывая, позвала она, – хвала Тефу! Ты жив...

– Живой, – выдохнул он, – но Теф здесь не при чем.

– Меня зовут Злата, – внезапно сказала она.

«Мне все равно», – подумал Таро, но промолчал. Затем поинтересовался:

– Я долго был... вот так?

Женщина судорожно затрясла головой, криво обрезанные пряди выбились из-под пухового платка. В призрачном свете снежной ночи они казались совершенно белыми.

– Сейчас ночь, – хрипло сказала она, – мы оказались здесь днем. И я боялась, что ты...

«Хорош сочинять», – хотел он оборвать ее судорожные причитания и всхлипывания, но снова промолчал. Что бы ни происходило, он дотащит ее до замка Лорин.

Таро приподнялся на локте и осмотрелся. Вокруг, куда ни кинь взгляд, стеной стояли заваленные снегом ели. Каким-то чудом ему удалось выискать среди всего этого белого великолепия небольшую полянку, и теперь в ее середине весело трещал костер, пожирая валежник. Да и сам Таро лежал отнюдь не на снегу. Замарашка соорудила ему настоящее лежбище из срубленных еловых веток.

– Ты взяла с собой топор? – только и спросил он.

– Успела, – дую на замерзшие пальцы, она вдруг улыбнулась каким-то своим мыслям. Потом, спохватившись, сжала губы. – Ты пить хочешь?

И Таро устался на жестяную кружку, полную воды.

– Снег растопила, – пояснила женщина.

Он молча сделал пару глотков и отстранился. Потом сел, еще раз огляделся. Снег продолжал падать крупными и редкими хлопьями, хороня все вокруг под ледяным покрывалом. Надо было выбираться, но только как? От одной мысли о портале к горлу подкатила тошнота, пришлось закрыть глаза и снова откинуться на еловые ветви. Некоторое время он молча лежал и слушал тихий шелест снежной ночи. Женщина тоже молча сидела рядом, на краешке ею же сооруженного ложа, время от времени чуть слышно вздыхая. Потом, решившись, тихо спросила:

– Это... конец, да?

– Не думаю, – он открыл глаза и посмотрел на нее.

Замарашка сидела к нему в пол-оборота, и в мягком свете падающего снега был виден ее профиль – изящный, тонкий и совершенно беззащитный.

– Мы или замерзнем здесь, или нас сожрут волки, – обреченно вздохнула женщина и повернулась к нему, – и я даже не представляю, в каком направлении можно было бы идти. Куда нас забросила твоя волшба, Таро?

А он смотрел на нее и думал – но совсем не о том, в каком направлении имеет смысл двигаться. Совершенно неожиданно для себя он размышлял о том, что беглая княгиня еще очень молода. Сколько ей лет по человеческому счету? Семнадцать? Меньше? Но в уголках рта уже затаились тонкие морщинки, и такие же морщинки перечеркнули лоб меж бровями. И взгляд казался усталым. Не таким, каким должен быть у молодой девчонки. Как ее зовут? Кажется, Злата. Золотце. И усмехнулся своим неуместным мыслям.

– Почему ты не попросила помощи у своей семьи, когда князь начал тебя наказывать? – спросил он.

Замарашка дернулась, как будто ее ударили. Потом шмыгнула носом, вытерла его рукавицей.

– Мне некуда было возвращаться. Меня вырастила тетка, и она была счастлива безмерно, когда Велеслав положил на меня глаз. Никто же не знал, что так получится, и что боги отвернулись от меня...

– И ты решила сбежать, – подытожил Таро, – спряталась так далеко, как могла. А с чего ты вообще решила, что он будет тебя разыскивать? Возьмет новую жену – делов-то.

– Я знаю, что он меня ищет, – она широко распахнула глаза, словно уже видела князя там, среди заваленных снегом елей, – он сказал, что никогда меня не отпустит. Пока я дышу.

– А зачем ты ему?

Женщина покачала головой и ничего не ответила.

Потом Таро все же решил утолить любопытство.

– Сколько тебе лет?

Злата усмехнулась невесело.

- Двадцать второй год идет. Старая уже.

«А на вид – так совершенный ребенок», – подумал он.

Потер лоб.

Надо было что-то делать, что-то решать. Но сил не осталось. Новое воплощение, увы, оставило в далеком прошлом умение скакать через ткани тонкого мира даже без поддерживающих ритуалов, одним усилием мысли. Но зато теперь он прекрасно помнил все, что произошло за прошедшие четыре сотни лет. А заодно и то, что с ним проделывал лучший ученик Крастор, когда понял, что учитель совершенно обессилен и не помнит дальше вчерашнего дня.

- Что нам делать теперь? – тихо спросила Злата.

- Пока ничего... золотце.

Она вскинула на него изумленный взгляд, но промолчала.

Правильно, умная девочка. Начинает понимать, что магу лучше не перечить и лишних вопросов не задавать.

Потом Таро сквозь ресницы смотрел, как Злата подбрасывает в костер добытый валежник. Он был заледенелым, поначалу не горел, но потом высох и занялся пламенем. Рыжие плети костра взметнулись вверх, расцвечивая поляну розовыми бликами.

Наверное, они могут дотянуть до утра. А дальше? Сил не прибавится.

Таро устало потер переносицу, щурился на огонь.

Для повторного перемещения требовалось пополнение его личного резерва магии Крови. Поскольку Таро не владел иной магией, кроме рожденной им самим же, трюки с пространством получались путем использования резерва Крови. А резерв Крови после воплощения был почти пуст, очень мал и

пополнялся отвратительно медленно. Был, конечно, способ быстрого пополнения – тут он покосился на склонившуюся к костру человечку – но убивать ее отчего-то не хотелось, Таро даже сам не мог объяснить себе эту глупую чувствительность. Хотя... жертвенная кровь имеет великую силу. Может быть, и на портал будет довольно.

– Злата, – позвал он.

Женщина вздрогнула, затем быстро подошла и остановилась рядом.

– Мне нужна твоя кровь.

Губы задрожали, вот-вот заплачет. Таро вздохнул и решил запастись терпением.

– Мне это нужно, чтобы переместить нас отсюда, – мягко сказал он, – совсем немного. Ты, небось, и нож прихватила?

– Прихватила, – выдохнула она, – ты меня убьешь?

– Нет, конечно же.

А перед глазами снова – запрокинутая голова Лорин, тонкая белая шея и его собственная рука, сжимающая рукоять обсидианового кинжала.

– Мне будет достаточно, если просто порезать запястье, – осторожно продолжил Таро, – мы потом перевяжем.

Она молча протянула ему кривой иззубренный нож, приподняла вверх рукав шубы. Запястье у нее оказалось тоненьким и очень бледным, синие жилки просвечивали сквозь нежную кожу.

– Не бойся, – повторил он, глядя в чистые глаза, – я обещал довести тебя до замка в Пустошах, и я это обещание выполню.

Злата лишь сердито сжала губы и мотнула головой, мол, режь.

Он вдавил острие в вену. Она судорожно выдохнула сквозь сжатые зубы. В снег упали первые темные капли.

Таро прикрыл глаза. Сквозь ресницы он видел, как из вскрытой вены, подобно дыму, устремилась прочь из тела та сама Сила, которая была столь ему необходима. Подхватить ее уже не составляло труда. Он потянул ее на себя и в себя, впитывая, словно губка. Это было... все равно что пиршество для голодного. Он восполнял свой искалеченный возрождением резерв, в груди потеплело, и тонкие горячие ростки потянулись по всему телу – от сердца и к кончикам пальцев. И это почти забытое чувство наполнения оказалось столь сладким, что он пил и пил, забыв себя и весь мир в придачу. Тянул в себя чистую Силу жертвенной крови... А потом вдруг очнулся. Снова в заснеженном лесу. Сделал шаг, медленно приходя в себя и споткнулся о что-то мягкое и тяжелое.

У ног без сознания лежала Злата. Снег был запачкан темным, и тонкая глянцевоблестящая струйка все еще тянулась по белому запястью.

«Но я взял так мало», – Таро, словно во сне, склонился к ней, пощупал пульс. Злата была жива, но сердце билось как у воробышка. – «Или много? Для нее – много?»»

Ругнувшись сквозь зубы, он подхватил ее под мышки, приподнял, вглядываясь в лицо. Нехорошо выходило: обещал довести до замка, а сам едва не убил.

Даже в шубе она оказалась легкой, голова безвольно откинута назад, и видно тонкую белую шею. Дыхание быстрое, частое.

Таро обхватил ее руками, прижимая к себе. А мысли уже крутились как хорошо подогнанные шестерни: выплескивая часть резерва на преобразование собственной магии крови, он дернул на себя невесомую границу тонкого мира, подхватывая пульсирующие светом путеводные нити. На сей раз Силы было достаточно для того, чтобы, не расходуя ее до донышка, выхватить нужный пучок света. Вел он куда-то дальше на север, но Таро уже знал, куда именно: в небольшой торговый городок, спрятавшийся за высоченным частоколом. Прижимая к себе хрупкое тело, он думал о том, как бы поскорее привести ее в чувство. И – болезненный укол совести: она ему доверилась, эта замарашка.

Город встретил его темной подворотней, залившимся лаем собак, кто-то горланил песню, возвращаясь домой из кабака, где-то неподалеку яростно переругивались две бабы.

Таро привалился спиной к срубам: ноги дрожали, и холодный пот заливал глаза. Проклятый резерв! Снова пуст. Снова, мать его... Злата повисла в руках поломанной куклой и по-прежнему не приходила в себя. Таро подхватил ее под мышки, прижал к себе, заглядывая в лицо, ловя теплое дыхание. Потом он взял ее на руки и двинулся туда, откуда доносились голоса. Все, о чем мог мечтать – это постоянный двор, или харчевня, где его замарашку можно будет привести в чувство. Дать ей чашу крепкого вина, наконец, бульона с хорошим куском мяса. Она ведь такая тощая, что и без того с ног валилась, а он еще «отпил» из нее порядочно...

– Ничего, – прошептал он сквозь зубы и в основном самому себе, – мы доберемся. Хотя я и не могу больше прыгать, как раньше, все равно замок на Пустошах никуда не денется.

Выйдя из подворотни, Таро двигался по узкому, темному и грязному проулку. Было там... небогато, мягко говоря. Покосившиеся избы, вросшие в землю почти по самые окна, и только изредка – добротные терема.

И почему-то Таро совсем не удивился, когда в густой тени увидел двоих здоровенных парней, которые ногами били третьего, скорчившегося в снегу.

По большому счету, Таро мог бы спокойно пройти мимо.

Ему было наплевать на копошение этого людского муравейника.

Но, с бесчувственной Златой на руках, он вдруг подумал, что спасенный им человек может помочь. Хотя бы отвести в приличный постоянный двор и тем самым сберечь драгоценное время.

Поэтому, не выпуская из рук свою ношу, Таро подошел поближе. Постоял, послушал, о чем, бранясь, говорили дюжие молодцы своей жертве. Естественно, требовали деньги. То есть грабили.

Он осторожно приблизился еще, и тогда его заметили.

Один из громил обернулся, выругался, призывая на голову Таро гнев всех богов.

– Тебе чего? Пшел отсюда!

– Да он нам бабу принес, – внезапно заржал второй, – ну, коль принес, обожди. Сейчас мы с этим закончим, и тогда...

Что именно – тогда – он так и не договорил.

Магия слушалась беспрекословно.

Таро даже улыбнулся, когда парни почти одновременно согнулись пополам, исторгая на снег потоки черной, пузырящейся крови. Она лилась отовсюду – из ртов, из глаз, из ушей. Расползалась тошнотворной лужей под ними. Человек, которого избивали, осторожно приподнялся на локтях и, кажется, что-то крикнул – Таро не разобрал. Изо всех сил притиснув к себе маленькую и теплую Злату, он выжимал двух мужчин, как если бы выжимал сок из земляники, все сильнее сжимая кулак.

... Все закончилось.

Таро перевел взгляд на оставшегося в живых мужика.

«Ну и хорошо, что видел все это, – подумал Таро, – быстрее поведет к постоялому двору».

Мужик тем временем поднимался на ноги, кряхтя и постанывая.

– Теф всевеликий! Это ты?.. ты это сделал с ними?

В голосе – тщательно скрываемый страх. Хорошо. Очень хорошо.

– Ну, спасибо... друг, – придерживаясь рукой за стену, он обошел неподвижные тела и, прихрамывая, двинулся к Таро. Выглянула луна, которую люди в

княжествах величали не иначе как братец Сиф, и кафтан спасенного мужчины, кое-где порвавшийся в драке, заискрился богатым шитьем.

Он остановился в двух шагах. Немолодой, но и не старый еще, проседь в волосах. Ссадины на скулах и на высоком, с залысинами, лбу. Нахмурился, глядя на Злату.

- Что с женщиной?

- Захворала внезапно, - сказал Таро, - мне бы на постой... куда-нибудь.

Мужчина протянул руку, затем крикнул от боли и выругался.

- Идем, скорее. Будет тебе постой. И даже целитель.

Таро не колебался. В конце концов, все выходило правильно: он помог человеку, теперь человек хотел отплатить той же монетой.

- Я Ратибор, - представился тот, - и я, знаешь ли, очень благодарен. Если бы не ты, то... эх... Идем, я отведу тебя в мой дом. Могу я узнать имя своего спасителя?

- Таро.

- Нездешний? - Ратибор сверкнул глазами из-под нависших бровей.

Таро пожал плечами.

- Это я к чему, - продолжил Ратибор, не дожидаясь ответа, - опасно нынче по ночам шастать стало.

- Это я заметил, - Таро не удержался от колкости.

- То, что ты видел - не самое страшное, друг. Я от зазнобы своей домой возвращался... а тут эти... Ну, не стой же, идем. Чай, устал жену свою на руках нести? Ничего, скоро передохнешь... Наш славный город Сежда, видать, провинился перед Тефом пресветлым. Кто-то убивает людей по ночам. Я

отправил гонца владельческому князю Бериславу, но то ли князь занят, то ли гонец не добрался.

– Я только что убил двоих, – пробормотал Таро, – а если бы я их не убил, наутро нашли бы тебя.

Они уже шагали прочь из проулка, все ближе и ближе были людские голоса, а дома – богаче. Ратибор сильно хромал, подволакивая ногу.

– Это не то, – сказал он негромко, – кто-то сжигает людей. Не могу себе представить, кем надо быть, чтобы от человека оставались обугленные кости.

Таро сильнее прижал к себе Злату.

Конечно же, Ратибор не знал, и даже представить себе не мог.

А вот Таро – очень даже догадывался, кто мог таким образом развлекаться на просторах живых земель.

Глава 3. Велеслав

Перебирая пальцами витую цепочку из желтого золота, он внимательно читал послание владельческого князя Берислава. Два княжества имели на востоке общую границу, примыкая к Пустошам. Даже не общую границу – так, огрызок, на карте не более ногтя размером – но даже это делало их соседями. Потом земли соседские уходили резко на север, все так же вдоль Пустошей. Княжество Велеслава наоборот, клином расширялось вглубь заселенной людьми территории.

Велеслав усмехнулся, отпил гранатового вина из золоченого кубка. Небось, людям Берислава тяжелее всего пришлось, когда господа Пустошей дважды, а то и трижды в год являлись за кровной данью. С другой стороны, всем было известно, как Берислав решил этот вопрос: совершая набеги на западных соседей, он попросту уводил сотни рабов и уже ими расплачивался с вампирами. Удобное и красивое решение, ничего не скажешь.

Бросив недовольный взгляд на мнущегося в дверях гонца, Велеслав вернулся к письму.

А были там изложены весьма любопытные факты, которыми любой дальновидный и разумный правитель не преминул бы воспользоваться. Особенно, когда в казне хоть шаром покати.

Владетельный князь Берислав писал, что из небольшого городка Сежда доходят странные вести об объявившемся неведомом чудовище, которое испепеляет людей, оставляя обугленные кости. Также писал князь о том, что чудовище нужно как-то поймать, наверное, и для этого собирается он выделить тот самый отряд, который обещал прислать Велеславу на подмогу. В связи с чем, естественно, приносил глубочайшие извинения.

Велеслав поморщился. Его начинала раздражать тупость соседа. Слепой баран! И ведь в самом деле, сделает, как замыслил, положит на жаркое сотню латников, вместо того, чтобы...

В то время как события в городе Сежда были весьма и весьма любопытны. Более того, выглядели обнадеживающе.

Еще один взгляд на гонца. Стоит, трясется. Мне шапку в судорожно сжатых руках. Велеслав даже позволил себе улыбку, одним уголком рта. Его боялись как ядовитую змею.

«И это прекрасно, именно таким и должен быть правитель любого сколь-нибудь значимого княжества!»

Еще один глоток терпкого, с горчинкой, вина – он не переносил сладких напитков. Это братец, да приютит его Теф, любил сладеньким себя побаловать.

– Поди в людскую, – наконец произнес Велеслав, глядя сквозь бледнеющего гонца, – переночуешь здесь. Завтра поутру заберешь ответ.

Гонец исчез мгновенно, как будто его и не было.

А Велеслав подлил себе вина, откинулся в жестком, но удобном кресле, и задумался. Все-таки плохо, когда вокруг одни бараны. А с другой стороны – и хорошо, потому что стадом таких вот недалеких даже не людей, а именно баранов, легко управлять.

Казна начала стремительно пустеть после того, как он отдал старшего брата госпоже Пустошей. Кара богов? Возможно. Но богам, Тефу и Сифу, никогда не понять – каково это, всю жизнь быть бледной тенью князя Стефана. Равно как и не прочувствовать того, что может твориться на душе у слабенького и болеющего всеми возможными и невозможными болячками мальчишке, когда везде и всегда ему в пример ставят старшего брата. Стефан – то, Стефан – се. И здоров, как бык, и собой пригож, бабы на нем так и виснут гроздьями. А бледный беловолосый юноша – да кому он интересен? Нет, была одна молодая и бойкая бабенка, которая особо не сопротивлялась, когда четырнадцатилетний младший братец полез ей под юбку. Но ее ждало разочарование: тогда Велеслав, распалившись, только и смог, что вонзиться в обжигающе-горячую женскую плоть. Два стремительных рывка – и все. А потом он видел ту же бабенку выходящей от Стефана, покрасневшую, довольную... Наверное, именно тогда он впервые понял, что ненавидит брата.

Потом шли годы. Здоровья прибавилось. Владетельный князь Стефан – вот дурак-то – порешил вампира Эйвана. К границе княжества явилась сама Госпожа, и тогда Велеслав был рядом с братом, слышал весь недолгий разговор. В светло-серых глазах госпожи Лорин слезами каталась кровь, а Велеслав подумал: теперь она будет жить только мезтью. Госпожа будет ждать, когда князя Стефана приведут к ней, связанного по рукам и ногам, и не будет для нее ничего слаще, чем кровь убийцы мужа.

Он подумал – и запомнил. И все вернулось на круги свои, за малым исключением: сам Велеслав подрос, возмужал, и теперь уже про него перешептывались бабы. Мол, красавчик, благословлен братцем-Сифом. В мутном зеркале отражался худощавый молодой мужчина с белыми, точно Сифов свет, волосами. Лицо было бледным и чистым, да еще и глаза даже самому Велеславу казались занятными, необычного фиалкового оттенка.

С бабами тоже как-то устаканилось само собой. Теперь они визжали, извивались под ним, и из опочивальни выходили, придерживаясь за стеночку.

И при этом он по-прежнему был тенью. Всего лишь бледной тенью старшего брата.

...Велеслав, прихлебывая вино, неторопливо обмакнул перо в чернильницу. Надо написать ответ этому барану, князю Бериславу, дорогому соседу. А что писать-то? Во-первых, выразить сожаление, что на город Сежду обрушилась такая напасть. Во-вторых, выразить опасение, что неведомая тварь, которой под силу сжечь одного человека, точно так же положит и весь отряд. А посему не стоит торопиться и отправлять на убой славных воинов. В-третьих... Он, Велеслав, думает, что сможет помочь соседу и пришлет верных людей, которые сами управятся с неведомой тварью. Разумеется, эти люди обучены жрецами Тефа, и знают, с чем имеют дело. Легко расправятся с чудовищем. За это, конечно же, хочется поддержки в намечающемся походе на замок в Пустошах.

Еще глоток.

Еще раз перечел письмо.

Нет, все правильно. Надо потянуть время, чтобы Берислав не кидался сломя голову убивать тварь. Она пригодится самому Велеславу. В конце концов, если в замке на Пустошах живет настоящее чудовище, способное мановением руки поднимать мертвецов из могил, то не лучшим ли будет решением выставить супротив свое собственное чудовище? Надо всего лишь с ним договориться. А в том, что это возможно, Велеслав не сомневался. Неосознанно теребя цепочку из желтого золота, он сделал еще глоток. Бросил взгляд в окно: за цветными стеклышками давно царила ночь.

...Потом он встретил Демена, нищего и безродного, но готового в точности выполнить любой приказ, чего бы это не стоило. Велеслав долго наблюдал за ним, пытаясь понять, действительно ли Демен предан ему или подослан Стефаном. Он пообещал Демену угоды и золота, где тот мог бы построить дом куда лучше, чем завалюха, наполовину вросшая в землю. Но этого, как казалось, Велеславу, было недостаточно. В конце концов, Стефан точно так же может перекупить сотника, пообещав чуть больше земель и чуть больше золота. Велеслав затаился, выжидая. И – удача! Как-то раз застал Демена в своих хоромах, когда сотник с выражением трепетного благоговения на лице перелистывал хрустящие страницы книги.

- Нравится? – осторожно поинтересовался Велеслав.

Ответом ему был восторженный взгляд темных, как мореный дуб, глаз.

- Нравится, – признался Демен, – только вот... я грамоте не обучен.

- А хочешь, я тебе помогу?

И это была первая по-настоящему большая победа Велеслава. Куда более значимая, чем вся эта глупая возня с бабами в постели. Это был первый человек, который стал полностью, с потрохами, его. Всегда можно предложить чуть больше золота. Но мало кто додумается исполнить мечту.

А потом Демен его предал, как-то обидно и глупо. Предпочел службе полупомешанную бабенку и остался служить госпоже Лорин. Велеслав не знал толком, что там произошло, в замке на Пустошах, но лазутчики, коих он засылал туда под видом наемной прислуги, донесли, мол, госпожа больше не пьет кровь, рядом с ней – чудовище с полосатой мордой, способное поднимать из могил мертвецов и заставляя их двигаться. Помимо того, пропавший сотник Демен живет там же, вместе с блажной младшей дочкой старого Мера, да к тому же, у них уже дитя родилось.

Тогда Велеслав еще попытался позвать Демена обратно, но получил отказ. Разозлившись порядком, попробовал насолить Демену, подослать лазутчика и убить ребенка – ну, чтоб в следующий раз думал. Результатом этого сгоряча принятого решения оказалась голова лазутчика, однажды обнаруженная Велеславом на крыльце терема. Он тогда внимательно осмотрел голову и пришел к выводу, что она отрублена. Велеслав мысленно обозвал Демена неблагодарным сучонком и решил выжидать да присматриваться.

Собственно, в замке не было никого, кроме этих четверых и нанятой прислуги.

И, собственно, только по этой причине Велеслав не опасался пойти с войском на замок. Ну, а некромант... Что ж, говорили про него многое, но что на самом деле было правдой? Да и откуда он взялся? Появление чудовища в городке Сежда

казалось Велеславу как нельзя кстати. Оставалось только с ним договориться и сделать союзником.

...Он некоторое время сидел за столом, крутя в пальцах взлохмаченное гусиное перо. За окнами плыла мимо ночь, тихо потрескивали тающие свечи. Можно было бы и поспать, но вот только Велеслав знал, что благодатный сон, если и придет, то лишь к самому утру, когда светать начнет. А до того времени ворочаться в душной постели, изводить себя думами неприятными. Если бы еще она была рядом...

Память явила мысленному взору образ – тонкое нежное тело, коса до бедер в руку толщиной, цвета вызревшей пшеницы. Широко распахнутые глаза, на свету яркие, словно васильки, а в тени как будто пасмурное небо. И нежные губы, припухшие от поцелуев. Когда-то он любил ее целовать.

При мысли о Злате Велеслав переломил перо и ругнулся.

Неблагодарная тварь! Бесплодная сучка! Да как она могла... как она посмела так опозорить его перед людьми? Слыхано ли – от владетельного князя жена сбежала?

Ну, доставалось ей, конечно. Но ведь сама виновата. Сама.

Поначалу Велеслав до безумия любил свою красивую жену, и точно так же, до безумия, возненавидел, когда после трех лет самых разнообразных любовных утех стало ясно, что зачать жена не может.

Правда, в ее боли он тоже находил своеобразное наслаждение.

Оказалось, что это очень даже горячит кровь – сперва отстегать розгами, до крови, до прокушенной насквозь губы – а затем, повалив в постель, брать грубо и больно, наматывая на кулак роскошные волосы, пачкая их в крови. Сперва сучка вопила, умоляла. А потом умолкла, только дышала тяжело, с присвистом. Молчала, даже когда он пытался выбить из нее крики, которые казались слаще всего на свете. И, наконец, нашла возможность сбежать.

Велеслав не переставал искать свою княгиню. Злата была только его. Отпустить – значило отказаться от самого себя. За эти три года каким-то чудесным образом душа его переплелась с душой золотоволосой ведьмы, в любви и ненависти. Без нее кусок в горло не шел, и небо казалось не таким голубым, как раньше.

И Велеслав знал, что когда-нибудь он разыщет Злату, потому что она была его – и только его княгиней. В том, что стерва жива, он почему-то не сомневался. Если бы умерла – уже бы почувствовал.

...Он потянулся за столом. От воспоминаний о драгоценной женошке в паху стало тяжело и неловко. Велеслав, прикрыв глаза, так и видел ее перед собой – на коленях, растрепанную, заплаканную и совершенно голую. Тяжелые груди призывно колыхались, когда она судорожно всхлипывала, и оттого хотелось причинять ей боль. Постоянно.

Откинувшись на спинку стула, он позвал:

– Зимий! Зи-мий!

Тут же стукнула дверь, и на порог, пригибая вихрастую голову, ступил тот, кем Велеслав заменил Демена.

Зимий весь был под стать своему зимнему имени: белокож и светловолос. Цвета глаз было не разобрать, да Велеслав и не очень-то разбирался. Главное, что Зимий мог не спать сутками, находясь при князе. А если и спал, то, наверное, стоя. Как лошадь.

– Мой князь, – воин тряхнул кудрявой головой. Тоже как лошадь. – чего князь желает? Почивать?

– Да, почивать, – Велеслав задумался на мгновение, – ты это... приведи мне ту девку, что давеча кур на заднем дворе резала.

– Белобрысую, что ли?

– Не белобрысую, а золотоволосую, – поучительно заметил князь, – в общем, я буду ждать.

– Сей миг исполню, – Зимий поклонился и, пятясь, цепляясь широченными плечами за дверной косяк, вышел.

Велеслав помедлил, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Да, определенно сейчас девка не помешает. Вот та, что кур резала. Выскочила во двор в одном платьишке, ледяной ветер запутался в подоле, облепил стройные бедра, узкую талию.

«Интересно, девица или нет?»

Понятное дело, что, окажись она девицей, это не изменило бы ровным счетом ничего. Владетельный князь не считается с подобными мелочами. Но хотя бы поразмыслить об этом было приятно и усиливало прилив крови к некоторым частям тела.

...Зимий не оплошал.

Когда Велеслав дошел до своей опочивальни, девка уже была там. Жалась в темном углу, судорожно тиская в руках платок. Велеслав подошел к ней, взял за подбородок и поднял лицо так, чтобы рассмотреть в скудном свете. Девка не была красивой, и уже конечно ей было далеко до его княгини. Да и пахло от нее не ахти – квашеной капустой. Велеслав поморщился, но затем вспомнил, как стонала под ним Злата еще в те времена, когда он ее боготворил.

– Как тебя зовут? – наконец спросил он, проводя подушечкой большого пальца по губам девушки, которые, надо отдать должное, послушно приоткрылись.

– Малинка, княже, – выдохнула она и вздрогнула.

– Малинка, значит, – он хмыкнул, – и как, сладкая наша малинка?

В ответ прозвучал прерывистый вздох.

И тут Велеслава словно тряхнуло: да она его боялась!

Прямо как та, другая.

Он потянул в себя носом воздух, вбирая запах стоящей перед ним девки. Пахла она, конечно же, квашеной капустой, но к этому запаху примешивался загадочным образом еще и аромат свежее испеченного хлеба, и молока...

Велеслав опустил руку чуть ниже, провел костяшками пальцев по тонкой шее. И затем резко рванул ворот сорочки, оголяя тяжелую, спелую грудь. Девка взвизгнула и попыталась прикрыться, но Велеслав оказался проворнее, дернул ее за руку к себе, затем повалил на кровать животом вниз.

- Не надо! - вскрикнула Малинка, - княже, помилуйте...

Велеслав едва не облизнулся, от желания даже скулы свело.

На то, чтобы задрать девке подол, понадобилось одно мгновение.

Еще одно - чтобы развязать кушак.

Кажется, она кричала.

Но он ослеп и оглох, сквозь грохочущий в ушах пульс с трудом разбирая - Велеслав, любимый.

Ее голос. Его княгини.

Глава 4. Злата

Чувства возвращались медленно. Она плавала в густом тумане, не ощущая собственного тела, и не хотелось ни думать, ни вспоминать.

«Если это и есть смерть, то я согласна».

И ей больше не надо прятаться от мужа. И не нужно ничего решать... Хорошо...

Потом начали возвращаться чувства. Злата вдруг поняла, что лежит совершенно нагая на чем-то теплом. А еще... Ох. По ее спине скользили чьи-то горячие пальцы. Медленно, очень деликатно, выписывая невообразимые узоры, разминая каждую мышцу. Опускаясь ниже, к пояснице, снова возвращаясь к плечам, и затем – к локтям, к запястьям.

Она не могла видеть обладателя рук (да-да, почему-то она сразу решила, что руки мужские, чуть шершавые и сильные). Попыталась повернуться, но ее голова тут же оказалась вжатой в подушку.

– Не дергайся, золотце. Я еще не закончил.

«Ох», – Злата почувствовала, что стремительно краснеет.

Только один человек – или совсем даже не человек – называл ее так.

И, сгорая от стыда, она уткнулась носом в подушку.

А руки чародея медленно, играючи, размяли крестец и переместились на ягодицы. Злата мысленно застонала от ужаса. Зачем?!! Что он там еще задумал?

– Расслабься, – спокойно сказал Таро, – просто лежи спокойно. Я попытаюсь разогнать твои энергетические поля, чтобы ты быстрее встала на ноги. Прости, я взял слишком много.

В его голосе не было и намека на раскаяние. Он просто говорил то, что следовало бы сказать – и не более.

Злата закрыла глаза. Ну, не бороться же с ним, в самом деле... К тому же она слабее котенка, руки поднять не может.

«Значит, не умерла, – подумалось Злате с некоторым разочарованием, – и, значит, он смог перетащить нас куда-то... Нас, не себя одного».

Но осознание того, что она лежит совершенно обнаженная, и Таро медленно разминает ей каждую косточку, заставляло леденеть от ужаса.

Тем временем руки переместились на бедра, поглаживая внутреннюю их поверхность. Прикосновения неожиданно будили то, что Злата считала давно похороненным и забытым: она ощутила, как внизу живота неожиданно потеплело.

- Не надо, - проскулила в подушку, - пожалуйста...

- Еще немного, - бодро отозвался Таро, - потерпи, будь любезна.

Злата прикусила губу. Да что ж он творит с ней? Зачем? И за что?!!

- Отпусти... Отпусти!

Его руки... Ох, это было что-то неповторимое. Особенное. Обжигающие прикосновения незримо меняли ее, превращая из тощей, забитой и шарахающейся от собственной тени девчонки в женщину, желающую любви. Прямо сейчас. С ним.

Злата всхлипнула. Собравшись с силами, все же повернулась набок, сбрасывая с себя горячие мужские руки, подхватила простыню, судорожно закрываясь, прижимая к груди. А там, меж ног, все было красноречиво-влажно. Как тогда, когда Велеслав еще любил ее - а она его.

В душе всколыхнулась злость. Да как он смеет проделывать с ней все это? Нашла в себе силы поднять взгляд. Таро, в чистой рубахе, рукава подкатаны. Аккуратно причесан, волосы собраны в короткую косу. Выглядит так, словно только что из мыльни. Взгляд невольно зацепился за треугольник гладкой бледной кожи в ворота рубахи, и Злате захотелось плакать. Выть волком. Потому что, пропади все пропадом, она до безумия хотела сейчас его. Вот такого, к которому начала привыкать - с презрительным прищуром, твердой линией скул и подбородка. Отбросить стыдливость, попробовать на вкус его губы, потереться грудью о шершавое полотно рубахи, ловя запах мужского тела. Скользя ладонью по бедру, почувствовать привлекательную твердость мужской плоти, чтобы потом принять его...

Она что есть сил ущипнула себя за руку. Острая боль немного отрезвила. И, продолжая цепляться за простыню, словно за спасительную соломинку, Злата прошипела:

- Не смей! Слышишь?! Не смей ко мне прикасаться!

Чародей улыбнулся, не сводя с нее взгляда. Изумрудные глаза были холодны, но Злате показалось, что на миг скользнуло в них что-то теплое.

- Не скачи так, золотце. Ты еще только-только приходишь в себя.

Она затравленно смотрела на Таро и разрывалась на части. Всколыхнувшееся желание внезапно сжигало.

«Ну давай же, возьми меня», - вертелось на языке.

Злата застонала, сжала руками голову и тихо заплакала. Краем глаза увидела, что Таро двинулся в ее сторону, и вытянула вперед руку в предостерегающем жесте.

- Нет!

- Злата, ложись обратно, - голос Таро стал бархатистым, пробирающим до мурашек, - ты еще не здорова. Сейчас придет девушка, поможет тебе поесть... Ну и умыться и причесаться. Послушай меня, золотце, не упрямясь. Я и так уйму времени потратил, чтобы привести тебя в чувство...

- А что, другого способа ты не придумал? - огрызнулась она.

- Другие способы, конечно, есть, - без тени усмешки ответил он, - но этот самый щадящий. А ты что себе вообразила? Я тебе должен, не более. Доведу тебя до замка госпожи Лорин, ты вылечишь свой недуг... если, конечно, он не выдуман владетельным князем Велеславом... И потом мы расстанемся, чтобы никогда друг друга не видеть более. Так что можешь не переживать, золотце.

Потом он с безмятежным выражением лица раскатал рукава и вышел, отчего-то громко хлопнув дверью. Злата осталась одна. И уже тогда, закусив угол

простыни, дала волю слезам.

Она плакала оттого, что все в ее жизни шло не так, как хотелось. И еще ей было очень жаль себя: вырвалась от Велеслава, так теперь вообще никто, безродная баба, любой может сделать с ней все, что заблагорассудится. Тот же Таро, например.

Лицо горело от стыда. Никто, кроме мужа, не видел ее совершенно голой, и уж тем более, не касался вот так, разжигая то желание, о котором Злата почти забыла.

А что дальше?

«Надо бежать, – билось в висках вместе со скачущим пульсом, – надо... но куда?»

И потом, Таро обещал ей, что вылечит. Возможно, если он не лжет, и исцеление возможно, когда-нибудь она встретит мужчину, от которого захочет родить дитя.

«Только если не соврал, – снова подумала Злата. Мысли метались, их обрывки отдавались в сознании неприятным зудом. – Зачем ему лгать мне?.. Но я же... совсем его не знаю... да и к тому же, он, похоже, и не человек вовсе... чародей, каких отродясь не бывало в наших землях...»

Всхлипывая, Злата закуталась в простыню. На коже все еще жило ощущение горячих прикосновений. Подумать только, что он мог сделать, пока она была без чувств...

И снова нахлынул волной обжигающе-горький стыд.

Злата мотнула головой, вцепилась пальцами в неровно обрезанные волосы. Нет-нет, ничего такого она больше не позволит. Ни за что. И никому.

Постепенно успокаиваясь, Злата принялась оглядываться по сторонам.

Вокруг царил мягкий полумрак, и высокое стрельчатое окно, забранное круглыми мутноватыми стеклышками, белело предрассветным молоком.

Судя по добротным, сложенным из золотистых бревен стенам и тяжелым потолочным балкам, комната располагалась под крышей большого терема. Сама Злата полулежала на огромной и пышной постели, на мягкой перине. В общем-то в опочивальне, кроме постели, ничего больше и не было, за исключением огромного старого сундука. На одной стене висел пестрый тканый ковер с красными петухами на синем поле.

– Значит, все-таки у людей, – сказала она сама себе.

И у людей не бедных.

Женщина еще раз огляделась в поисках хоть какой-нибудь одежды, заметила на самом углу постели аккуратно сложенную чистую сорочку. Потянулась к ней и ахнула – перед глазами все поплыло, коричнево-золотистые стены опасно накренились. Злата со стоном рухнула обратно, утонув в перине. И как только хватило сил отбиться от рук чародея?

«И что он сделал со мной? Хотелось бы знать...»

А потом ее потянуло в сон. И, проваливаясь в непроглядную черноту, Злата все еще испытывала стыд за то, что Таро видел ее голой. И видел, что вся спина у нее исчеркана уродливыми рубцами.

Проснулась она далеко за полдень. Стеклышки в окне играли тонкими, ломкими радугами, разбрасывая цветные пятна по комнате. Солнце клонилось к закату и заглядывало прямиком в опочивальню. Злата потянулась, попробовала сесть и поняла, что сил прибавилось. А еще проснулся голод, потому что в последний раз она ела... Хенеш, не меньше двух дней назад.

Злата кое-как облачилась в широкую льняную сорочку, откинулась на подушки, обливаясь ледяным потом. Все же что-то было с ней не так. Никогда еще, даже после «любовных утех» с Велеславом, не было ей так плохо. Больно – да. А тут ни руки, ни ноги не поднять.

Она осторожно, стараясь не делать резких движений, сползла ногами на пол. Взгляд тут же выхватил ночной горшок, и это было очень кстати. Прилушавшись, и убедившись, что никто не войдет тотчас, Злата воспользовалась им и убрала под кровать. Снова к щекам прилила кровь, а комната закружилась перед глазами, но Злата вовремя плюхнулась обратно в кровать.

«Сукин сын, – подумала вяло, – что он со мной сделал?»

И ответ пришел сам собой – использовал, чтобы перенестись из заснеженной могилы в этот добротный терем.

Злата снова мотнула головой. Слишком много всего произошло за последние два дня, и ей понадобится время, чтобы все обдумать и принять какое-то решение. Однако, воспоминания о старосте, хватаящемся за причинное место, заставили улыбнуться.

И еще... очень хотелось есть.

Словно в ответ на невысказанные пожелания, скрипнула отворяемая дверь, и в щель просунула голову незнакомая девица. Злате она сразу не понравилась: яркая, видная и вместе с тем не было в этой красоте ни доброты, ни хоть сколько-нибудь какого участия.

– Госпожа, я могу войти? – поинтересовалась она низким, с приятной хрипотцой голосом, хотя было ясно – войдет, не особо спрашивая.

Злата кивнула, продолжая рассматривать гостью.

Девица была довольно высока, обладала весьма аппетитными формами, которые не гнушалась лишней раз подчеркнуть глубоким вырезом да красными бусами. Черные, как смоль, волосы были заплетены в длинную толстую косу – тут Злата подавила невольный вздох и коснулась своих волос, которые безжалостно обрезала. Глаза, обрамленные такими же черными ресницами, напоминали отчего-то глаза Таро: яркие, зеленые, холодные. Нежный румянец на щеках намекал на отменное здоровье, а яркие пухлые губы наверняка свели с ума не одного юношу.

Девушка расправила подол сарафана, подошла к постели.

– Меня зовут Велея, госпожа. Ратибор, мой хозяин, приказал мне ухаживать за тобой.

Злата зябко обхватила себя за плечи.

Велея. Хозяин Ратибор. Значит, эта красивая девушка – не более, чем служанка, а то и вовсе рабыня.

Но почему же, почему при виде ее продирает морозцем по коже? Словно дурное предчувствие...

– Меня зовут Злата, – сказала женщина, – мне очень приятно познакомиться... Велея.

Та улыбнулась, открыто, обезоруживающе. И ощущение исходящей от Велеи опасности вроде бы как схлынуло, но остался на душе мутный осадок, словно масляные разводы на только что вымытой посуде.

– Ратибор и твой муж беспокоятся о тебе.

– Муж?.. – Злате внезапно показалось, что крыша терема обрушилась ей на голову.

Муж. Велеслав. Здесь... Но почему, как?!!

– Господин Таро, – Велея приподняла соболиные брови, – о нем ведь речь?..

– Таро, – повторила Злата, кое-как приходя в себя.

Значит, Таро объявил ее своей женой... Но к чему?

И тут же решила – чтобы люди меньше болтали. Таро сделал так, как удобнее будет всем, никто не задаст лишних вопросов. У него захворала жена, так-то. А уж как они попали в богатый терем Ратибора, она сейчас узнает у Велеи.

– Да, Таро мой муж, – подтвердила она, глядя в изумительно-кошачьи глаза девицы, – дело в том, что я совершенно не помню, что происходило последние дни. И вовсе не была уверена, что он окажется рядом.

– Ну, теперь-то он точно никуда не денется, – Велея тем временем осторожно усадила ее и принялась поправлять подушки. Движения у нее были спорые, сильные. – Сейчас я принесу обед, госпожа Злата. Если хочешь, расскажу, что происходило, пока ты была в обмороке.

Злата молча наблюдала за тем, как Велея ловко устроила ее среди подушек, а затем притащила деревянный расписной поднос со снедью. В глубокой миске переливался золотистым жирком куриный бульон, и в нем же плавало белое нежное мясо. Хлеб... Ох, давненько Злата не ела такого хлеба! Белый, мягкий, воздушный, он просто таял во рту. Ну и в пузатеньких розетках немного квашеных огурчиков, тонкие хрустящие волоконца капусты, маринованные грибочки.

– Спасибо, – чистосердечно поблагодарила Злата и взялась за ложку.

– Господин Таро просил передать, чтобы я тебя не перекармливала сразу. Не то дурно станет.

Злата кивнула и принялась за еду, стараясь при этом кушать степенно и не показывать, что живот прилип к позвоночнику.

– Расскажи, что здесь происходит, – попросила она, – где мы сейчас?

– Славный город Сежда, – и в мелодичном голосе Велеи слышались едва заметные нотки презрения, – два дня тому назад тебя, без чувств, принес на руках твой муж, госпожа. Говорят, он спас Ратибора от разбойников, за хозяином теперь нешуточный долг.

– Сежда, – повторила Злата, – чьи это земли? Как имя владетельного князя?

– Берислав.

Женщина мысленно выругалась. Ну почему, почему их угораздило попасть именно в земли единственного соседа Велеслава, с которым тот не рассорился? И который, более всего, бывал у Велеслава в гостях? Оставалось надеяться, что сюда владетельный князь не пожалует.

- Понятно, - буркнула она, - и что дальше?

- На Сежду наслал проклятие сам Хенеш, - страшным шепотом продолжила Велея. - Каждую ночь по городу шастает чудовище и сжигает заживо того, кого найдет на улице. Ратибор уговорил твоего мужа помочь нам поймать тварь.

От таких новостей Злата выронила ложку, и та глухо стукнулась о поднос.

Таро, конечно, никогда не рассказывал ей о том, как именно относится к людям. Но время от времени Злата ловила на себе его взгляды - так смотрят на мелкую мошку, на комара. Или таракана. Да и обращался он с ней не особо церемонясь. Поэтому весть о том, что Таро будет помогать каким-то людишкам победить страшное чудовище, прозвучала как гром среди ясного неба.

«Неожиданно, - подумала женщина, - да ты, Таро, полон сюрпризов».

- Так что теперь все только и говорят, что об охоте на чудовище. Ну, раз уж князь Берислав не хочет отрядить войска на его поимку...

- Ты хочешь сказать, что у Берислава просили войско, а в итоге на охоту выйдет только мой... муж?

- Видать, он уверен в себе, раз согласился, - пожала плечами Велея, - и, видать, Ратибор ему много золота предложил. Так много, что не страшно и жизнью рискнуть.

- Хм.

Злата продолжила обед.

- Как тебе повезло с мужем, - внезапно вздохнула Велея, и ее лицо обрело мечтательное выражение, - такой красивый.

– С лица воды не пить, – сухо обронила Злата.

И вспомнила, как восхищалась чеканным профилем Велеслава.

Верила, дуреха, что такой мужчина станет и добрым, и щедрым мужем...
Впрочем, он и был таким, до тех пор, пока...

«Пока ты не предала меня, сучка».

Злата испуганно моргнула при виде широкой глиняной пиалы с чаем.

– Пей, это придаст тебе сил.

Она молча взяла горячую посудину, подула, рассеянно глядя на мелкую рябь.
Покосилась на Велею – та поспешно растянула губы в улыбке.

– Пей, и я унесу посуду, – повторила девица.

Злата выпила. Большими глотками, обжигая губы. На миг ожгло в груди,
стягивая внутренности в болезненный узел, но тут же отпустило.

– Отдыхай и набирайся сил, госпожа Злата, – кажется, Велея вздохнула.
Поднялась на ноги и забрала поднос, не забыв поставить туда и пиалу.

...Оставшись одна, Злата без сил откинулась на подушки. Ее знобило так, что
зубы клацали. Внезапно густой, душной волной накатил страх, и она подумала о
том, что может умереть. Вот прямо сейчас, в этой постели, среди мягких
пуховых подушек.

«Глупости какие, – женщина стиснула зубы, – не умерла у Велеслава, так отчего
здесь собралась? Теф не допустит».

Она закуталась в одеяло, крепко закрыла глаза и решила, что когда проснется,
то будет совершенно здорова.

Тело казалось собранным из разбухших в воде бревен. Непослушное, неповоротливое. Воздуха не хватало, сколько не тяни в себя. Перед глазами как будто трясли серой тряпкой, ее хотелось отодвинуть, но не получалось даже пошевелить рукой.

Потом... ее встряхнули, как нашкодившего котенка, грубо, за ворот. Приподняли. Ощущение прохладной ладони на щеке – она прижалась к этой прохладе, словно к целебному источнику, не замечая, как по лицу потекли слезы. Дышать, правда, стало чуть легче, невидимая сила, что раскаленным обручем сжимала грудь, начала понемногу уходить. Злата всхлипнула теперь уже в голос. Что с ней? Что, Хенеш побери, снова не так?

– Дыши, золотце, дыши.

Хриплый голос Таро звучал над самым ухом, неожиданно успокаивая. И Злата послушалась, втягивая сквозь зубы воздух, наслаждаясь маленькими глотками самой жизни.

– Что с тобой случилось? – тихо, едва слышно поинтересовался чародей, – ты неплохо себя чувствовала. Отчего стало хуже? Не скажешь?

Злата с трудом мотнула головой. Она понятия не имела, что такого произошло и почему она не в силах шевельнуться. Единственное, что кое-как было доступно ее пониманию – так это то, что Таро держал ее на руках, прижимая к себе.

– Не понимаю, – тихо произнес он, – как жаль, что я не целитель.

Кажется, ее осторожно положили. Прошло несколько томительных мгновений, а потом женщина почувствовала, как тяжелое тело опустилось рядом. Сильные руки обняли, притянули к обнаженной груди. Злата даже не поняла, когда он успел избавить ее от сорочки: теперь все ощущения сосредоточились там, где соприкасались их тела. Вяло дернулась в жалкой никчемной попытке сопротивления.

– Тише, тише, – пробормотал ей на ухо Таро, – сейчас тебе станет лучше.

И в ее горящее, почти неподвластное рассудку тело хлынула прохлада. Тяжелой волной. Бушующим потоком. Вымывая немочь, проясняя мысли... выдирая из вязкого «ничто», в котором до сего момента плавала Злата.

Она, совершенно обессилев, лежала прямо на нем, распластавшись, прижимаясь щекой к гладкой коже под ключицей. До слуха доносилось мерное «тук-тук-тук», и Злата неосознанно прижалась к чародею еще теснее, наслаждаясь спокойствием и невесомостью собственного тела. От него пахло... Просто сказочно хорошо. Разнотравьем, хвоей и совсем немного – солью. Откуда посреди зимы взяться разнотравью?.. А потом вдруг Злата почувствовала, как тяжелая рука легла ей на затылок и погладила.

Вот эта-то простая ласка и вернула ее к действительности.

Она кое-как сползла с Таро и уткнулась носом в подушку. Теперь на нее запоздало обрушился страх, и Злату начало потряхивать. Таро вздохнул, поднялся с кровати, затем накрыл ее одеялом.

– П-прости... – прошептала женщина, – я не знаю, что это было... тело как будто... не мое...

– Я тоже не знаю, что это было, – ответил негромко чародей, – но очень хочу узнать. Скажи, как ты себя чувствуешь теперь?

Повернувшись, она из-под ресниц смотрела, как Таро одевается. Он нырнул в рубаху, заправил ее в штаны, привычным жестом подкатил рукава, обнажая жилистые предплечья. В комнате было темно, лишь пара свечей разбрасывала по стенам мешанину ломаных теней и света, и наверное оттого Таро казался бледнее обычного. На остроносом лице застыло странное выражение мрачной решимости.

– Мне лучше, – растерянно пробормотала женщина, – это со мной случилось, потому что ты?..

Зеленые глаза чародея сверкнули.

– Нет.

Он приблизился и сел на край постели. Затем, подумав немного, пощупал Злате лоб и снова погрузился в размышления.

- Тогда... - почти шепотом сказала она, - почему?

- Сказал же, не знаю, - Таро пожал плечами, - но имеет смысл понаблюдать. Тебе следует запоминать, что ты делаешь, кто к тебе приходит, и что ты ешь и пьешь. Если повторится, то, по крайней мере, мы будем знать, что этому предшествовало. Ну, все. Отдыхай.

И он поднялся, напоследок скользнув по Злате задумчивым взглядом. Сердце зашлось в неистовой пляске. Он сейчас уйдет, она останется совершенно одна. А вдруг все повторится, и никого не будет рядом?

- Подожди, - неожиданно для себя она проворно цапнула его за штанину, - не уходи... пожалуйста... мне очень страшно.

Лицо чародея окаменело. Медленно, очень медленно он накрыл пальцы Златы своими и по очереди разжал их, освобождаясь.

- Утешать тебя, золотце? Не находишь, что это чересчур?

Горло сковал болезненный спазм. Чувствуя, как от унижения начинают гореть щеки, она торопливо отвернулась. Вот пришла же в голову глупая мысль, ждать понимания от чародея!

- Спи, - обронил Таро, - я приду утром.

Злата передернулась и снова взглянула на него.

- А ты? Ты пойдешь ловить чудовище? Как это ты дал себя уговорить помочь людям, а?

Он только покачал головой.

- Ничего-то ты не знаешь. Ни обо мне, ни о тех, кто жил в Пустошах.

– Ну так расскажи, – сказала она, – кто ты, Таро? Кто?

– Меньше знаешь, крепче спишь, – он усмехнулся, – утром свидимся, золотце. И постарайся не помереть. Сегодня тебе это почти удалось.

Глава 5. Таро

Он вышел от Златы, пребывая, мягко говоря, в смешанных чувствах. Замарашка начинала раздражать, и Таро хотелось избавиться от нее как можно скорее, оттащить в замок на Пустошах и больше никогда не видеть. Но тут сознание Таро самым предательским образом расщеплялось. Какой-то другой, новый Таро Гелиссэ, отчаянно тосковал. И человечка уже не казалась замарашкой, наоборот, весьма милостивой, с проблеском какой-то очень утонченной красоты. Шрамы на спине... Мда. А когда она попросила – останься – он бы с радостью согласился, только если бы она просила хотя бы чуточку и для него. Но оказалось, что ей просто страшно. И все. Сам по себе Таро был совершенно никому не нужен. От осознания этого стало так горько, что он силой разжал ее тонкие пальчики с обломанными ногтями, и ушел. А теперь тоска накатывала с новой силой, что-то звало, тянуло обратно в душноватую спальню, где среди перин и подушек тряслась от страха княгиня. Таро вдруг представилось, что эти же пальчики запутываются в его волосах, лаская, пробегаются по плечам... Внезапное осознание невозможности всего этого укололо так сильно, что он шархнул кулаком по стене. Да что с ним такое? Не нужен он ей, и никогда не будет нужен. Чародеев боятся, иногда уважают, но никогда не любят. И замарашка эта тоже боится его до дрожи в коленках, а уж насчет любви... Стоит вспомнить, как она сопротивлялась, когда он всего лишь приводил ее в чувство. Хотя, как маг Крови, Таро прекрасно понял, куда именно тогда прилила та самая ее кровь.

Шагая в свою опочивальню (хворая жена ведь, нам лучше пока не делить ложе), Таро постепенно приходил в себя. Казалось, золотистые ниточки, так сильно привязавшие его к замарашке, рвутся одна за другой. Дышать становилось легче, мысли снова начинали крутиться размеренно и толково, как хорошо слаженные мельничные жернова. А шрамы – что ж, у всех они есть. У кого на теле, у кого глубоко внутри.

Ему было над чем поразмыслить. Во-первых, заглянув в опочивальню, он внезапно обнаружил Злату почти на пороге смерти. Это было странно. Невозможно. Он ведь взял совсем немного ее Силы, да и она должна была давно восстановиться. Но отчего-то не восстановилась, а наоборот. Таро это не нравилось. Он не был целителем и не понимал, что именно произошло с маленькой княгиней, но в душе разливалась тревога, навеявая мысли о том, что люди – всегда все те же, не меняются. Оставалось ответить на вопросы кто и зачем? Думать на Ратибора, хозяина этого богатого подворья, не хотелось. Да и чего бы он добился, избавившись от женщины своего спасителя? Тогда нужно было подозревать всех домочадцев, прислугу, рабов. Но кому могла насолить хрупкая и совершенно беспомощная женщина? Таро не имел ни малейшего представления.

... Но очень хорошо понимал, с чем ему придется столкнуться не далее, чем сегодняшней ночью. И это было – во-вторых.

Он распахнул дверь в свою опочивальню и тут же, вдохнув волну пряного и сладковатого аромата, увидел ее.

Черноволокная девушка перестилала постель, энергично разглаживая несуществующие складки на простыне, то и дело отбрасывая за плечо длинную толстую косу. Таро шагнул через порог, половицы скрипнули. Девица, ойкнув, резко обернулась. Метнулись огоньки свечей, и, наверное, именно поэтому улыбка красавицы напомнила Таро дикий оскал степного кота.

– Господин Таро! – девица поклонилась, – меня прислал Ратибор. Вот, принесла тебе одежду и застелила чистую постель.

Таро молча кивнул. Девица ему была неинтересна, и он молча прошел вглубь комнаты, морщась от надоедливой приторно-сладкого аромата. Подумал – чем это она намазалась, и неужели полагает, что при этом действительно хорошо пахнет?

Всяческих притирок и благовоний Таро не любил. В его понимании не было ничего лучше, чем просто запах чистого тела.

Девица мялась, не торопясь выходить. А потом, ни с того, ни с сего, подошла и мягко притворила дверь. Таро приподнял брови. Становилось интересно.

– Господин Таро, – голос низкий, грудной и... как это любят говорить... бархатный.

– Что тебе?

– Я... – она запнулась и даже немного покраснела, – я никогда не встречала такого, как ты.

– И что с того? – опершись спиной о стену, Таро с любопытством рассматривал человечку.

– Твоя жена умирает, – тихий голос девушки ласкал слух, – если... когда ее возьмет к себе пресветлый Теф, заberi меня отсюда.

И она как-то очень ловко, поведя плечами, избавилась от платья. Оно соскользнуло на пол и легло у ее ног бесполезной тряпочкой. Таро хмыкнул.

– Тебя Ратибор прислал?

– Нет, – качнула головой и одновременно сделала шаг вперед, – я сама. Я хочу уехать с тобой, когда... когда все закончится...

Тело у нее было красивым. Ладным. В полумраке, разбавленном огоньками свечей, оно отливало красным золотом. пышная грудь, не знавшая кормления, тонкая талия, широкие бедра. Таро неуместно вспомнились песочные часы.

«Сама», – повторил он про себя, смакуя это слово как деликатес.

Неужели кому-то он да нужен оказался?

А потом – словно ледяной водой окатили.

– Кто тебе сказал, что моя жена умирает? – сухо поинтересовался он.

Горячая женская ладонь легла ему на щеку. Миловидное личико, губы, которые так и хочется попробовать на вкус.

– Да все об этом говорят, – выдохнула она, заглядывая в глаза.

Две ладони опустились на плечи Таро, и она подошла уже вплотную. Ощущение мягкого горячего тела, твердые горошинки сосков сквозь полотно рубахи. Таро усмехнулся, положил руки на талию, притягивая к себе еще ближе. Когда у него подобное было в последний раз? Уже и не вспомнишь, очень давно, когда жила еще империя Солс. Так, чтобы его желали и соблазняли.

Кожа ее под пальцами была шелковистой. Он скользнул руками ниже, легонько сжал крепкие ягодицы, вырывая из приоткрытых мягких губ животный стон.

«Сама пришла», – подумал он уже с благодарностью.

Но что-то все равно мешало. Этот назойливый сладкий аромат – он сбивал с толку, раздражал.

«Отправить ее помыться, что ли?» – отстранился, рассматривая красивую грудь с коричневыми окружками сосков.

Пульс грохотал в висках, все более ускоряясь. И Таро понял, что он не будет отказываться от столь изысканного предложения. Он окунется в дивное ощущение того, что кому-то нужен. Совсем ненадолго. Просто, чтобы вспомнить, каково это.

– Господин Таро, – прошептала она, – пожалуйста...

Маг легко подхватил девушку на руки. Шаг – и опустил ее на только что застеленную постель. Быстро стянул рубаху, бросил на пол. Девушка судорожно выдохнула и, прикусив сочную нижнюю губу, чуть раздвинула бедра.

... Это было чересчур даже для Таро.

Но, чувствуя, как болезненно-сладко становится в паху, он почти неосознанно потянулся к ней иным своим восприятием.

И окаменел, с трудом соображая, что теперь делать.

Таро все же был магом крови, а потому очень хорошо понимал, куда и как приливает кровь в человеческом теле. Утром замарашка-княгиня действительно хотела его. А эта, что пришла сама – нет. Под ослепительно-красивой оболочкой были только пустота и обман. Бояться – да, побаивалась. Но ноги раздвигала, преследуя свои, непонятные пока что цели. Хотя отчего непонятные? Девка просто хотела перестать быть служанкой и уехать с привлекательным с ее точки зрения мужиком. Вот и все.

– Что случилось? – бархатный голос ласкал, обволакивая.

– Ничего, – он пожал плечами.

Затем поднял с пола рубаху и нырнул в нее как в убежище, отгораживаясь домотканым полотном от золотистой красоты ее тела, от тепла ее кожи и от того, что могло бы быть между ними.

– Господин Таро? – теперь в ее голосе раздражающе звякнуло тщательно скрываемое недовольство.

– Одевайся и уходи.

Он отвернулся.

Всегда одно и то же. Таро Гелиссэ по-прежнему никому не нужен. Разочарование обжигающе-горькой волной хлынуло в душу. Стараясь не смотреть на девицу, которая, наигранно всхлипывая, поднимала с пола платье, Таро подошел к окну и распахнул его. Морозная свежесть хлынула в опочивальню, вымывая сладковатый аромат обмана. Таро прикрыл глаза, глубоко вдохнул. Да, так гораздо лучше.

– Почему? – вдруг спросила она.

Таро обернулся – стоит за спиной, глазищи сверкают зло, руки стиснуты на груди.

Лгать особо не хотелось, да и причин тому не было.

– Потому что ты хотела не меня, – усмехнулся и покачал головой, – ты просто хотела уехать отсюда со мной. Вот и все. Надоело прислуживать Ратибору.

– А если и так? – девушка резко вздернула подбородок, – если и так, в чем ты меня можешь обвинить? В нежелании мыть полы? Тебе не кажется, что я достойна лучшей участи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shtern_oliviya/ego-knyaginya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)